

Владимир
Левченко

П о в е с т и и р а с с к а з ы

ЗДЕСЬ ЛЮДИ
ЖИВУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Левченко

**Здесь люди живут.
Повести и рассказы**

«Автор»

2024

Левченко В.

Здесь люди живут. Повести и рассказы / В. Левченко — «Автор»,
2024

Сборник повестей и рассказов назван "Здесь люди живут" по названию одного из вошедших в него рассказов. Книга содержит самые разные истории о самых разных людях. Одни добрые и светлые, похожие на снеговика, слепленного детскими руками из первого снега. Другие напоминают вагон пассажирского поезда, в котором едут люди разного возраста, разных судеб, разных характеров. Едут до разных станций, каждый - до своей, даже если сходить им в одном месте. Название рассказа "Здесь люди живут" подчеркивает именно то, что людям присущи доброта, любовь, сострадание, отзывчивость. Название всей книги "Здесь люди живут" говорит о том, что людям свойственно очень многое, разное, часто противоречивое. Все это и составляет содержание сборника повестей и рассказов.

© Левченко В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Повести	6
И грустно, и не очень	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Берег острых камней	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Левченко
Здесь люди живут. Повести и рассказы

Автор благодарен Ксении Левченко за помощь в издании книги.

Повести

И грустно, и не очень (сцены сельской жизни)

Глава 1

То ли примета такая дурная, то ли ещё какая-то нехорошая штука срабатывает, но частенько вскоре после выхода на пенсию с человеком у нас что-нибудь плохое случается. Часто подтверждается данный жизненный факт. Особенно у мужчин – привычки вредные, видимо, помогают женщин обгонять в этом направлении. Недавно, казалось бы, здоровым и бодрым товарищ бегал, суетился, желал чего-то. А только успел похвастаться: «Всё! На заслуженный отдых! Пусть теперь мне государство платит!», только начал получать от государства это заработанное счастье, и тут же – бац! – счастье уже закончилось. У кого сахар в крови, у кого инфаркт, у кого инсульт... И сразу истончается и без того непрочная перегородка между жизнью и смертью. Год, два, три, пять... – и призвал Господь. Не всех, конечно, так скоропостижно, но... Больше среди людей, так сказать, простых статистика эта народная видна.

Иван Логин – из «простых», работяга, механизатором всю жизнь в селе родном. Столько битв за урожай на своём комбайне выдержал! Не жизнь – сплошная баталия. В шестьдесят проводили его с почестями на пенсию. Начальство поздравило, вручило дешёвые часы китайского производства и очередную почётную грамоту за трудовую доблесть. Столы накрыли – попили, поели, попили, поплясали. И жизнь пошла дальше. Иван отдыхать не собирался. Бездельничать не привык, да на маленькую пенсию и не прокормиться. Так, еле как. Словом, планировал Иван Данилович продолжить битву за урожай. Здоровья хватало.

Но недолго выпало Ивану молодиться после пенсионного юбилея. Внезапно возникшие болезни, словно острые ножи пучок петрушки, за три года мелко нашинковали его планы. Ничего от них не осталось. А началось всё как-то между прочим, обыденно.

– Не то со мной чего-то, – стал замечать перемены в себе Иван. – Только проснусь, а уж уставший. Как мешки всю ночь грузил. И пить всё время охота.

Потерпел, покряхтел, а только хуже, одолевают слабость и жажда. Пришлось в больницу обращаться. Лет двадцать с медициной не контактировал. Зубы, правда, пару раз пломбировав, но это же – другое. Теперь всё серьёзно – анализы и полный осмотр.

– У вас очень высокий сахар, – огласил результаты врач и уложил механизатора в стационар. – Надо вас хорошенько понаблюдать и поставить точный диагноз. Очень это важно.

Районная больница – не деревенский фельдшерский пункт, есть в ней кое-что из оборудования и специалисты. Смогли найти у Ивана диабет второго типа.

– Что же вы так долго не проходили осмотр? – хмуро выговаривал врач. – Вот и запустили. Не первый год, думаю, у вас сахар высокий.

Выслушал комбайнёр рекомендации, получил шприц-ручку и вернулся домой. Работу продолжил, но сильно был расстроен обнаруженной болезнью. И в душе поселилось какое-то горькое, тревожное предчувствие. Курить стал ещё больше, одну за другой.

– Вот откуда, а, Даш? – смолил очередную сигарету и растерянно смотрел на жену Иван. – Я ж сахар – ни-ни, конфеты не вижу даже... А? Откуда? Я ж сало или рыбу подкоптить... А?

Но злоключения со здоровьем на этом не закончились. Через год явилась новая беда. Осенним вечером, придя с работы, Иван снял куртку, стянул кирзовые сапоги вместе с носками – любил пошлёпать босыми ступнями по прохладному полу. И тут увидел, что на левой ноге мизинец чернеет. Удивился: «Где успел мазнуть?» Плюнул на большой палец, наклонился, потёр грязный мизинец – не оттирается.

– Даш, глянь-ка, – позвал жену, – ерунда какая-то.

– Может, пришиб где? – посмотрела и тоже потёрла мизинец мужа Дарья.

– Да нет, не было... Раньше, может... Не помню...

– Ну, пройдёт. Руки мой, ужинать будем.

Не прошло. Через неделю чернота на мизинце загустела и переползла на соседний палец.

– Да мать же твою! – оторопело принимал новый удар судьбы Иван. – Чего ещё-то привязалось?! Эхх!

И опять пришлось отправляться в больницу. На этот раз уже со страхом перед какой-то наступившей грозной болезнью.

– Вот они, вот последствия того, что изначально долго не обращались с диабетом, – удручённо покачал головой врач, осмотрев ногу пациента. – Теперь сосуды разрушаются, некроз... Будем лечить, будем спасать...

Лечили больше месяца. Потом стопа полностью онемела, пальцы почернели все, почернела ещё и пятка.

– Я помочь не могу, – развёл руками районный врач, – надо срочно ехать в краевую больницу.

Ивана накрыл полный шок. Он улучшений ждал, а тут... Сложили в пакет нужные документы, собрались, поехали с женой.

Краевая больница – махина: несколько многоэтажных корпусов. Окна, окна, окна... И все эти клеточки больными заполнены. Ивану кое-как место нашлось, одно-единственное, а то бы домой отправили. При этом осмотревший его врач ругался:

– Потеряли время, потеряли! Что же вы в районе своём так долго собирались? Вон, уже и выше по ноге пятна пошли. Сразу надо было к нам, сразу.

Положили в палату на пятом этаже. Дарья уехала домой. Договорились пару дней созваниваться, а потом она снова приедет.

– Или ладно, чего ты мотаться будешь. Дом теперь на тебе одной, всё теперь на тебе...

– Как же я могу не приехать к тебе? Приеду я.

Кровать стояла у окна. Иван отрешённо смотрел с высоты пятого этажа на опушённые снегом разлапистые сосны за больничным забором, на видневшееся между стволами шоссе. Оттуда доносился шум, там проезжали машины – белые, красные, чёрные...

Он вспоминал сейчас, как в школе на уроке физкультуры первым пробежал трёхкилометровый кросс. Девчонки поглядывали на него с интересом, солнце слепило глаза, и пушистая порось над верхней губой топорщилась от довольной улыбки.

– Что делать, Иван Данилович, – сказал через неделю лечащий врач, – другого выхода нет. Надо ампутировать.

Ногу отняли чуть ниже колена. Культия долго не заживала, кровоточила, рана не затягивалась. Дарья без отдыха курсировала между селом и городом. Из другого города, издали, приехала дочь. Сидела с отцом две недели, ухаживала, успокаивала. Потом уехала, не могла дольше оставаться. Дарья после ещё много дней одна тянула ляжку.

Весной – уже новая трава пробилась к свету, и река сломала толстый лёд – Иван Данилович вернулся домой. Началась его одноногая жизнь – неуклюжая, с костылями под мышками и постоянной горькой бутылкой на столе. На работу больше не ходить – всё. Дали первую группу инвалидности, добавили немного денег к крошечной пенсии.

– Вот такая насмешка судьбы надо мной, – сморщился после очередной рюмки Иван. – Было у меня две радости душевных, а теперь обе мне заказаны.

Очень он любил ещё с мальчишества посидеть с удочкой на реке или на озере. Именно на удочку любил рыбачить. При первой возможности на утренней или вечерней зорьке уходил с удилицем и ведёрком к воде. Уединялся, сидел в тишине – замороженный, сам с такой же тихой душой, как всё вокруг. Смотрел на поплавок, на осоку, на высунувшуюся из воды у берега остроносую, пучеглазую мордашку лягушонка. Смотрел на синюю, как василёк, стрекозку-коромысло, прицепившуюся к камышу. И такое тепло от всего шло и радовало сердце. И он улыбался.

А когда лодку резиновую купил, то смог уплыть подальше от берега, за камыш. Вставал среди листьев и цветов кувшинок – и глаз от них не мог оторвать: «Кто же красоту такую придумал?!»

Ловил пару десятков плотвичек или карасиков и совершенно счастливый шёл домой.

Ещё любил Иван сплясать на хорошей гулянке. Школьником в клубе занимался народными танцами. Потом, понятно, в механизаторы пошёл, не в танцоры, но любовь к забористому плясу сохранил.

– Не порыбачить мне теперь, не сплясать, – выпил он ещё одну горькую рюмку. – Обрубок.

– Не пей, Ваня, – терпеливо каждый раз просила Дарья, – только хуже от водки.

– А чего ещё делать? Знаешь, говорят, что отрезанная нога потом болит. Нет её, а она болит. А мне она мерещится, я её вижу. Я лежу, и она рядом лежит. И обута в тот кед, который в школе был. Я в тех кедах кросс первым пробежал.

– Ты не пей всё же, Вань.

– Ладно, Даш, ладно...

Через день после этого пришёл к Ивану Степан Барсуков (по прозвищу Барсук) – сорокапятiletний, крепкий, невысокий мужик, живший неподалёку. Степан постоянного трудоустройства не имел. Шабашничал время от времени, но основным его доходом была рыбалка. Не Ива́новы душевные посиделки с удочкой, нет. Барсук процеживал окрестные водоёмы сетями, бреднями, фитилями, ставил перетяги с частыми самоловами. Добывал много речной и озёрной рыбы и сдавал её городским торговцам. Степан пришёл к Ивану с разговором и бутылкой водки.

– Привет, Иван! – поставил бутылку на стол. – Как дела у тебя?

– А какие теперь дела у меня. Вот, сижу, в окно гляжу. Присаживайся.

– Здравствуй, Степан! – недовольно покосилась Дарья на бутылку.

– По делу я к вам. А водка – так, малёха, для улучшения понимания, – уселся Барсук на табурет у стола.

– Даш, дай рюмки и закусить чего-нибудь.

Дарья подала рюмки, хлеб, солёные огурцы, варёную картошку и вышла на улицу.

– Я чего пришёл, – после первой же рюмки без предисловий начал Степан, – про лодку твою спросить. Ты же, извини, конечно, не рыбачишь теперь.

– Не рыбачу, – уткнулся взглядом в стол Иван. Хотел ещё что-то сказать, но голос заглох в горле, выпарился от подкатившей жгучей горечи и пересох.

– Ну, и я говорю, – налил по второй гость. Выпили. – Чё ей зазря гнить, лодке твоей, без дела-то. Ты её мне продай. Сам знаешь, сколь я рыбачу. А моя резинка подпускать стала, старушка уже, лет двадцать пять. Твоя-то, знаю, моложе. И хозяйственный ты, аккуратный.

Снова выпили, пожевали огурцы. Иван молчал и смотрел в стол. Способность говорить не возвращалась.

– Ну, чё молчишь-то? Я за неё две тыщи дам. Хорошая цена... щас новую за десятку можно взять.

Бутылку допили.

– Ну, чё ты? Продашь, аль нет? Соглашайся, а то задарма спреет.

– Стопари с закуской возьми, – прохрипел всё же Иван, – пошли в гараж.

Он упёрся ладонями в стол, поднялся на ногу, взял приваленные к соседнему табурету костыли.

– Давай, помогу, – засуетился Барсук.

– Я сам. Закусь возьми.

Гараж во дворе, рядом с домом, метра три пройти. Дарья глянула на мужа от сарая, но промолчала, отвернулась. Дверь в гараж со двора приоткрыта.

– Входи, – кивнул на неё Иван.

– Всё по-прежнему у тебя тут, – вошёл Барсук и поставил на старенький столик у стеллажей рюмки и тарелку с огурцами. Похлопал ладонью по люльке мотоцикла. – «Урал» теперь без дела стоит.

– А чё тут теперь поменяется, у безногого. Возьми там, на средней полке, за канистрой...

– Чё взять? – сунул за канистру руку Степан и сразу нащупал бутылку. – О, поллитровка! Самогон?

– Самогон, – с трудом перегрузил себя с костылей на табурет Иван. – Наливай.

Выпили.

– Ёпти буби! – задохнулся после рюмки Степан. – Как спирт. Сколь градусов?

– Не знаю, не мерил. Агафья заходила – прикупил. У неё градус всегда одинаковый.

– Хорош, зараза! Давай ещё по одной.

– погоди, – закурил Иван и придвинул к себе пепельницу. – Видишь, на верхнем ярусе лодка в чехле лежит? Бери, доставай, накачивай. Вон, за мотоцикл, к воротам, на свободное место неси, там раскладывай.

– А-а, ну, давай, проверим, как она у тебя накачку держит.

– Не у меня теперь уже... У тебя...

Барсук накачал помпой оба отсека двухместной лодки, поставил сиденья, собрал вёсла – полный порядок.

– Ну, пусть постоит, посмотрим, как держит, – вернулся он к столику. – Давай, накатим за удачу.

– Давай, только мне уже удачи не будет, – снова закурил Иван, – отудачил, отрыбачил.

– Не унывай ты, – закусывал огурцом самогон Барсук, – живут же и так люди. Протез какой-нибудь закажи.

– И на рыбалку на этом протезе, да? Наливай, чего ерунду говорить.

Они выпили. Выпили ещё.

– Ну, ты накурил – дышать нечем, – замахал руками Барсук. – Давай, я ворота на улицу открою, оно через дверь наскрозь протягивать будет. Я ж-то не курю.

– Давай, давай, открой...

– Э-э, Данилыч, – распахнул гость оба створа ворот и вернулся назад, – да ты подтаял заметно, срубило тебя. Дарья твоя щас навтыкает нам. Давай, там по стопарю осталось, и закруглимся.

– Ты погоди... погоди... давай, к лодке меня, – засуетился вдруг, пытаясь подняться, Иван. Словно испугался, что кто-то сейчас вместе с лодкой заберёт у него всё хорошее, что было за несколько десятков лет.

– Зачем тебе к лодке? Ты плыть, что ль, собрался? Это куда?

Высокий градус сделал своё дело. Помогая Ивану, Барсук и сам покачивался. Они всё же добрались до стоящей за мотоциклом лодки, к распахнутым на улицу воротам. Отпустив костыли, Иван почти рухнул на упругий резиновый борт, навалился на него боком.

– Ты мне удилище... удилище дай... подай... в углу оно вон...

– Данилыч, кончай, чё ты... – покачал головой раздосадованный Барсук, но удилище из угла всё-таки подал. – Ладно, я почапал, завтра за лодкой приду. Деньги, значит, тогда тоже завтра. Ты посиди, порыбачь. Дарья тебя заберёт потом.

– Ладно, ладно, ага...

Степан ушёл, а Иван неверными руками вытянул на всю длину телескопическое удилище и выставил его на улицу. Устроился так, как если бы лодка стояла среди кувшинок, а за воротами была не примятая трава и не пыльная дорога, а вечерняя водная гладь.

– Привет, Вань, – приостановилась проходившая мимо соседка. И, не дождавсь ответа, удивлённо пожала плечами и пошла дальше.

– Дед Иван, – подбежали мальчишки, – ты чё, рыбу ловишь? Смотри, клюёт! Тащи скорей, – смеялись они, обступив ворота. – В камыши карась заведёт, леску запутает. Тащи!

Но Иван не замечал ни удивлённой соседки, ни смеющихся мальчишек. Смотрел слезящимися глазами мимо них. Что он видел сейчас? Пучеглазую мордашку лягушонка? Замерший в ожидании поклёвки поплавок? Круги на сонной воде?..

– Тащи! – не унимались пацаны.

– Хватит вам! – одёрнул их высокий парень – Олег Веденин. Он шёл со своей одноклассницей Наташей Большаковой и тоже остановился у открытых гаражных ворот. – Видите же, уснул дед Иван.

Олег уже закончил десятый класс, а насмешники были всего-то второклашками. Но задирались как ровня:

– А тебе-то чё?! Хотим, и смеёмся. Тебя не спросили...

– Я кому-то щас пенделя выдам, – шагнул к ним Олег.

– Не надо, – взяла его за руку Наташа, – они же маленькие и глупые. Сами скоро уйдут.

Пойдём.

– Идите, идите, – дружно засмеялись пацанята, – жених и невеста! Ха-ха!

Со двора в это время вошла в гараж Дарья. Мальчишки сразу исчезли.

– Вань, чего ж ты улёгся тут?! – попыталась растормошить мужа. – А ну, вставать давай! Улёгся он! Люди-то смотрят.

Иван не отзывался, спал. Хотела убраться удилище, но оно не поддавалось – муж и во сне крепко держал его. Дарья махнула рукой:

– Ладно, ночь уже скоро, спи так, – говорила вслух, словно Иван слышал её. – Пойду, одеяло тебе принесу.

Принесла, укрыла. Смогла закрыть один створ ворот, а второй остался открытым – на улицу торчало удилище.

Олег и Наташа гуляли до рассвета. Сначала побыли в доме культуры. Потом пошли в школьный сад, сидели на скамейке. Целовались, целовались, целовались... А потом снова проходили мимо дома Логиных.

– Смотри, – остановился Олег, – дед Иван так и спит в лодке. И удилище торчит.

– Он, наверно, выпил и представил, что на рыбалке. Плохо ему теперь, без ноги.

Парень проводил девушку.

– Не хочу расставаться.

– И я не хочу.

– Завтра увидимся?

– Хорошо.

Они попрощались, и Олег отправился домой. Светало быстро, но село ещё спало. Даже хозяйки пока не пробудились отправлять в стадо коров. Изредка лениво тявкали собаки, и луна над крышами ещё висела тусклой мраморной монетой.

Решение пойти на реку явилось неожиданно, как только Олег открыл калитку в свою ограду. Не рассуждая и ничего не планируя, он просто отрезал на летней кухне кусок белого хлеба, взял в сарае удочку, нашёл какой-то пакет и тропинкой через огород зашагал к берегу.

Дошёл быстро. Над водой – тишина и редкий туман. Парень размотал леску, слепил из хлебного мякиша шарик, насадил на крючок, забросил – клевать стало сразу. Крупная, серебристая, с красными плавниками плотва жадно хватала наживку и оказывалась на берегу. Через полчаса десятка два рыбёшек лежало в пакете.

– Ладно, хватит, – сказал Олег, сматывая удочку, – побегу, пока спят все.

До дома Логиных от реки недалеко – два переулочка проскочить, и уже будешь на их улице. «Дед Иван бы не проснулся... потихоньку бы...»

Иван Данилович спал в лодке, под одеялом, которым укрыла его поздним вечером Дарья. Олег подошёл неслышно к гаражу, положил рядом с лодкой пакет с рыбой. И неслышно ушёл, побежал домой. По селу засветились первые окна.

Глава 2

«Второй раз за утро домой прихожу», – усмехнулся про себя Олег и открыл дверь. В доме тихо. Отец ещё вчера уехал в город к поставщикам запчастей для ремонтной мастерской. Планировал вернуться сегодня к вечеру. А мама спала. День начинался субботний. В школе, где Анна Николаевна (мама) работала учителем математики – летние каникулы. Сама же Анна Николаевна находилась в законном отпуске. При таком стечении приятных обстоятельств – грех не поспать подольше. Коров Веденины не держали, а из-за кур вставать чуть свет – надобности нет.

Олег бесшумно прошёл в свою комнату и в одежде завалился на диван. Спать не хотелось. Он словно ещё не расстался с Наташей: ему виделось её лицо... они смотрели глаза в глаза... они целовались...

Все мысли только о ней:

«Она такая красивая... самая красивая...

Звездой с небесной высоты

В мой мир земной спустилась ты...»

Сон одолел незаметно. Олег не знал, сколько проспал – час, два, три... Проснулся от разных кухонных звуков: нож стучал по разделочной доске, крышка бряцала о кастрюлю, ещё что-то звякало. И запах летел оттуда такой вкусный, что молодой, голодный проснувшийся организм сразу потянуло в его сторону. Но остановил неожиданно раздавшийся охающий голос соседки, бабушки Ситниковой:

– Ох, здравствуй, Анна!

– Здравствуйте, баба Света!

– Ох, задохнулась, покуда доплелась до вас, – перевела дух гостя. – Йоду хотела попросить. Есть у тебя?

– Есть. А что случилось?

– Да вон, глянь, палец на руке топором развалила, ох. Я полено-то на мелочь щепила, воды в чугунке погреть хотела, да палец большой и прирубила, дура неловкая. Ох, кровяца прёт, я тряпочкой прижала.

– Ой-ёй-ёй! – увидела рану Анна Николаевна. – Проходите, проходите, проходите... Давайте, усаживайтесь вот сюда. Сейчас мы всё сделаем. У меня перекись водорода, это лучше йода...

Анна обработала и перевязала пострадавший бабушкин палец.

– Вот, и кровь остановили, и грязь теперь не попадёт. Вы только палец оберегайте, не задевайте им.

– Ох, да как уж тут. С безделья-то в карман не спрячешь, везде ж две руки нужны. А тебе спасибо моё, соседка дорогая, помогла.

– Да что вы, – смутилась Анна Николаевна, – как же не помочь. На то и соседи, чтобы друг другу помогать.

Бабушка Ситникова с забинтованным пальцем отправилась домой, а Олег наконец вышел из своей комнаты.

– Проснулся, Ромео, – улыбнулась мама. – Опять рассвет за селом встречал?

– Доброе утро, мам, – улыбнулся в ответ сын. – Так сейчас ночи такие короткие – только стемнеет, и сразу светает.

– Да, да, да, у влюблённых и в обед – утро, часы не для них. Умывайся, звездочёт, и за стол. Лапша с курицей готова. Голодный, наверное, как волк.

– Как три волка, мам.

– Понятно, – засмеялась мама, – давай есть будем, садись.

Олег торопливо стучал ложкой по дну глубокой тарелки, а Анна Николаевна подливала и подливала в неё наваристый суп из высокой, объёмной кастрюли. И украдкой рассматривала сына.

«Совсем взрослый. Как быстро оно прошло, время. Будто ещё вчера: младенец в родильном доме, завёрнутый в одеяльце, перевязанное голубой лентой. Потом – первоклассник с большим букетом розовых гладиолусов. Как быстро... И вот уже: широкие, как у отца, плечи и волнистые русые волосы».

– Одну ножку тебе, а вторую отцу оставим, – разломила курицу Анна Николаевна. – Ой, Олеч, я же забыла совсем: мы Гречишниковым баллон газовый не вернули. Просили их выручить на два дня, а уже неделю не отдаём. Завтра обменный день, воскресенье, машина из города придёт, а мы не вернули им. Отец-то только вечером сегодня вернётся. Ты отвези баллон на мотоцикле, он уже в люльке лежит. Поешь сейчас и отвези. Ладно?

– Хорошо, мам, отвезу, – с готовностью и даже с радостью согласился Олег. Он сразу связал поездку на мотоцикле к Гречишниковым с предстоящим свиданием с Наташей – отдаст баллон и отправится к ней. – Всё, объелся, мам. Спасибо! Поеду.

– На здоровье, сынок, поезжай. И, надо так понимать, опять до рассвета? – с улыбочивым прищуром посмотрела Анна Николаевна.

– Мам, – порозовели щёки у Олега, – папка же только вечером вернётся, мотоцикл пока свободен. Я покатаюсь...

– Поезжай, поезжай. Не гоняй только, осторожно.

– Ладно, мам, не волнуйся.

Он выскочил на крыльцо и сразу набрал номер:

– Наташ, привет!

– Привет!

– Поедем кататься, я отцовский мотоцикл взял...

– Поедем. А ты скоро?

– Минут через двадцать.

– Хорошо, жду.

Олег надел шлем, второй положил в люльку и поехал. Баллон торчал над сиденьем и подпрыгивал на кочках. Скорость приходилось сбавлять.

– А ты чё баллон повёз? – встретила на пути Караваева Анфиса, женщина пожилая и полная, но ещё бодрая и общительная. – Куда это?

– А машина с обменными баллонами через час придёт. На сегодня расписание поменили, – на ходу пошутил Олег и покатил дальше.

– Вот те на! – на пару секунд опешила от неожиданной новости Караваева, а потом со всей доступной ей прытью припустила домой. – Этак и не успеть можно...

Набрав для своих шестидесяти двух лет вполне приличную скорость, она всё же успевала отвечать на приветствия и вопросы встречных односельчан.

– Здравствуй, Анфисушка! – попался первым сухощавый и невысокий дедок Селиванов. – Куда спешишь? Пстой, я сказать тебе хочю кой-чего.

Гаврил Селиванов пять лет назад похоронил жену. Рана сердечная постепенно затянулась, и теперь, в свои семьдесят восемь, он возрасту не поддавался, хорохорился и подыскивал себе новую хозяйку. Анфиса два года как овдовела. Её-то и выбрал в невесты Селиванов. Но из-за большой разницы в возрасте его ухаживания ей не подходили.

– Пстой, говорю, слышь!

– Некогда мне с тобой, – полыхнула в сторону ухажёра вспотевшим и покрасневшимся лицом Караваева. – Не слыхал разве? Через час машина газ привезёт. Расписание поменяли.

– Не шуткуй, баба! – перестал ухаживать дедок и тоже засуетился. – Крутые повороты.

– Говорю тебе!

По пути Анфиса успела сообщить экстренную новость ещё трём сельчанам. Те – ещё каждый трём. . . Информация распространилась. Через час в центре села, на площадке, где всегда меняли газовые баллоны, собралось человек двадцать. Все с баллонами. Кто на специально приспособленной тележке привёз, кто на мотоцикле. Ждут.

– Угостись, Анфисушка, мякушками кедровыми, – подошёл к Караваевой дедок Селиванов с кулёчком очищенных кедровых орешков, которые он купил для поддержания здоровья прошлой осенью в городе.

– Отстань, – повернулась та к нему округлым боком, – у меня свои, тыквенные.

– Ой, ой, трясёт он тут орехами своими, – съязвила Таисия Скорина, тоже одинокая пенсионерка, которой Селиванов орешков не предложил. – Три пердинки ему до смертинки, а туда же, женихается.

– Не злوبيсь, Таиска, – вступилась за старика Вера Красилова, пышногрудая многодетная мать. – У него дома живым не пахнет, вот он к тёплой бабе и тянется.

– Так пуцай ко мне потянется. Я и его курей накормлю, не облезу.

– А ты никак вдовой чёрной хочешь стать? – покачала головой Вера. – Двоих-то уж схоронила.

– А ты не лезь, – сузила Таисия чёрные глаза. – Я им яду не сыпала. Так, видать, прописано им было. А судьба не собака – не прогонишь.

– Да у тебя в языке яду – мышьяку не надо, – насмешливо глянула на неё Анфиса. – Давай, Гаврила, мякушек твоих пожуём.

– Вот бабы – дуры! – смеялись мужики на мотоциклах. – Брось ты их, старый. Давай к нам, покурим.

Прошло полчаса.

– А где машина-то? – озадаченно посмотрел первым на пустую дорогу долговязый Васька, старшеклассник с облупленным носом. Его с баллоном отправила мать, и ему не терпелось больше всех. – Ждём-ждём, уж весь пятак облужгали.

– Мож, в дороге чё, – пожал плечами один из мужиков.

– Да не-е, ничё, подождём, – рассудительно успокоил другой. – Раз сказали, значит придёт.

– Слышь, Иваныч, – густо пустил сигаретный дым рыжеусый Николай, – я вчера на Чёрном озере за вечёрку ведро карасей натаскал. Семечку на прикормку чуть обжарил, истолок – красота. Хватал как чумной.

– Ёшкин кот, а я не выберусь всё. То колонку чинил, то сарай расширял.

Прошло ещё полчаса. Ощущение недоразумения заметно усилилось.

– Эй, жених, – прямо спросил Николай Селиванова, – а ты откуда взял, что машина с газом сегодня придёт?

– Так я это, – колыхнулся старый Гаврил, – мне Анфиса сказала.

– И мне Анфиса. . .

– И мне. . .

И всё собрание вопросительно уставилось на Караваеву.

– А я-то вам чё?! – поджалась и парировала та. – Мне самой Олег Веденин сказал. Он же первый баллон на мотоцикле повёз.

– Куда повёз?

– Куда-куда. . . сюда. . .

– Сюда?! И где же он? Его-то как раз и нет здесь.

– Ха-ха-ха! – сообразила раньше других Таисия. – Надурил тебя парень! Слышь, Гаврила, дура твоя Анфиска!

– А ну хватит меня выставять! – побагровела Караваева. – Пошли прям щас к Ведениным! Все пошли! Пусть ответит на мои вопросы, шутник!

– А чё, пошли, – хохотали мужики.

– Пошли, сходим, – смеялись женщины.

Отправились почти все. С гневом шагала только Анфиса, остальным было весело. По дороге, узнав о случившемся, к делегации добавлялись и добавлялись новые желающие повеселиться. Поэтому, когда подошли к дому Ведениных, толпа увеличилась вдвое. Анфиса с багровым лицом – впереди.

– Эй, хозяйева! – крикнула с ходу. – Есть кто?!

Анна Николаевна обернулась на донёсшийся с улицы крик и посмотрела в окно.

«О, господи! – увидела перед своей оградой целую демонстрацию односельчан. – Что это? С Олегом что-то...» Страх за сына сразу сковал, сил едва хватило выйти на крыльцо.

– Здравствуй, Анна!

– Здравствуй... – тихо пробормотала застывшими губами.

– Дома твой сынок?

– Нет его... А что... что случилось?

– Да с ним-то ничего не случилось, – взялась за калитку Анфиса, готовая войти, – а меня вот перед людьми опозорил! Такой душой выставил – сквозь землю провалиться!

– Опозорил? – Анна Николаевна растерянно посмотрела на крупную, энергичную, раскрасневшуюся Анфису и не сдержала улыбки – страх за сына отпустил. Она пошла навстречу. – Да вы заходите, объясните всё толком. Ничего не понимаю.

Большая толпа потекла в ограду через узкую калитку, как песок в колбе часов через тоненький перешеек, и скоро заполнила всё пространство. Анфиса оказалась перед Анной.

– Я, значит, иду, а он едет, сын твой, на мотоцикле. И баллон у него из люльки торчит.

– Так это же он Гречишниковым повёз, должны мы были.

– Ну, повёз, а мне-то он чё набрехал, а? Машина, говорит, через час придёт. Хватай баллон, беги меняй, – Анфиса, рассказывая, так расходилась, что снова вспотела. – Да я ещё на роду сколь с панталыку сбила! Пошутил он! Шутник!

Возмущённая женщина говорила, говорила, говорила без передышки. И всё выговорила. Замолчала и уставилась горящими глазами на Анну Николаевну – прожигает взглядом, сопит. И Анна, ошарашенная речевым извержением Караваевой, тоже молчит, на неё в ответ смотрит. И вся толпа молчит. Пять секунд тишина, десять... И вдруг один вновь подошедший как крикнет громко с улицы:

– А чё случилось-то?! Свадьба, что ль?!

– Ага, – сразу нашлась Таисия, – Анфиска с Гаврилой Селивановым пожениться решили на чужом дворе.

И народ покотился. Смеялись все. Даже Анфиса прямо на глазах сдулась, остыла и тоже прыснула:

– Ой, не могу... пожениться...

– Анна Николаевна, – нарисовался из-за Караваевой рыжеусый Николай, – вы, конечно, учительница и всё такое, но раз Олежка ваш всю эту весёлую антимонию замутил, так вам её и разруливать.

– А как же мне это разруливать?

– Ну, уважьте народное общество, угостите чем-нибудь.

– Да у меня из угощений всего – кусок варёной курицы и бутылка вина начатая, с майских осталась.

– Это не беда. Вы только отмашку дайте, и всё как надо сложится.

– Ну, тогда даю отмашку, – с улыбкой пожала плечами Анна Николаевна, – что ж тут ещё скажешь.

– Эй, братья и сёстры! – гаркнул Николай так, что услышали, наверное, в самых дальних уголках села. А рыжие усы даже как-то возвысились над головами. – Слухай меня! В каком-то веке собрались мы всем селением, свёл нас весёлый случай. Так отметим же как следует наше единство! Тряхнём закромами! Принесём на стол, кто что может! Кто за?! – и Николай первым поднял обе руки вверх.

– Даёшь единство! – крикнули из толпы.

– У меня холодец есть...

– У меня самогон...

– У меня сало...

– У меня грузочки...

Несли столы, стулья, лавки, посуду, еду, напитки... Несли с таким энтузиазмом и радостью, как будто наступило в душах просветление и собирались вместе самые близкие люди. Столы поставили по всей ограде, накрыли, расселись.

– Анна Николаевна, скажите слово, – попросил Николай, – как хозяйка.

– Желаю вам здоровья и благополучия! – смущаясь, подняла стакан с вином Анна. – Пусть всё у вас будет хорошо, дорогие мои односельчане!

И почему-то в этот раз от таких простых и много раз слышанных пожеланий у собравшихся за столами подступили к глазам слёзы.

– За тебя... за тебя... за тебя... – чокались жители.

– А я ещё предлагаю за дружбу, – налил по второй грузный Андрей Терентьев, слесарь автомастерской, – чтобы никто у нас в селе ни с кем не ссорился.

– Так не бывает, – усомнилась Таисия, но за дружбу выпила. – А я хочу, чтобы каждой женщине в хозяйство мужик дельный достался. Вот это тост насущный.

Все со смехом выпили и за это.

– Только где их подходящих взять-то, – продолжила Таисия, – подходящие все пристроены. Ко мне, вот, один городской подкатывал – ничё вроде, справный такой. Случайно в городе на ярмарке индийской познакомились.

– Это когда это? Чё-т не видали.

– Да был, был. Год назад, вспомни, лысый, румяный, весь чистот такой. Недолго совсем был.

– А-а, этот. Ну-ну...

– Ну, ко мне пару раз приехал. Всё остерегался во дворе, как бы в говно куриное не наступить. Я ему говорю, мол, не бойся, к деньгам. А он всё равно озирается – не верит. А потом к нему поехали, посмотреть. Так у него в квартире чистота ужасная просто. Как в музее всё – тут не шагни, то не потрогай. Картины он собирает дорогие. Одну показывает мне – на ней намалёвана то ли корова, то ли не понять чё. А как цену сказал – я села. За такие деньги десять нормальных коров купить можно. И рванула я от него к родной своей бурёнке, чтобы самой с ума от тех изображений не съехать.

– Вот я и говорю, – подключилась к теме Галина Каплина, незамужняя, весёлая женщина средних лет, – со своими дружить надо. Я вот люблю, когда от мужика мужиком пахнет.

– Это как?

– Ну, чтобы табачком, перегарчиком. Чтоб чуялся мужик, когда обнимает.

– Так к тебе ж другие и не ходят, – хохотнула Анфиса. – У тебя ж в доме одно веселье.

– А ты чё, в окна мне подглядываешь? – сквозь улыбочку нахмурилась Галина.

– А ну, хватит вам! – осадил женщин Николай. – Только же выпили, чтоб не цапаться, а вы!

– Да не бывает же так, – повторила Таисия.

- А вы на мужиков гляньте. Вон, культурно беседуют за политику, как серьёзные люди.
- А ты чё ж с ними не беседеешь?
- Так и я тоже... шас, подвинусь к политическому разговору.

Подвыпившие мужики все без исключения вкладывали душу в острый разговор о насущном. И трудно было выделить, кто за кем и что сказал.

– Вот ты скажи мне без виляний, как ты к президенту относишься?

– Ну, чё говорить, могучий мужик, у самой пропасти страну остановил, хватило силёнок.

– Хватило, это точно. А тогда другой вопрос: почему у нас рыжего беса до сих пор в тюрьму не садят, а? Ведь подлец первостатейный, мошенник государственного масштаба, предатель родины, душегуб, а его не садят. Почему? И столько лет уже. Ему бы в тюрьме сидеть пожизненно, а он у нас, гляди, то всем электричеством заведует, то нано какими-то технологиями. И благодарности требует от народа, который предал.

– Да, это так. Раньше такие предатели были: враг к стенам городским подойдёт, а предатели эти ворота изнутри врагу откроют и внутрь его запустят.

– Так почему же его не садят?!

– А никак его не посадить. Он же бумажки те придумал, по которым всю страну разворовали – законное воровство. Кто алюминия хозяин, кто чего. Нефть с газом качают – кто их проверит, сколь в карман себе качают. А ежели рыжего за такую приватизацию в тюрьму сажать, тогда всё отменять надо и государству возвращать. А кому это надо. Качай да качай – всё законно.

– По сто рублей к несчастной минималке добавят, а себе миллиарды прикарманят.

– Какой же умник вообще эту десятку определил, на которую выживать надо?! Не двадцать, не тридцать, а десять, мол. А шас и на двадцать – скребстись и скребстись, чтоб выплыть.

– Сами-то они на туалетную бумагу в месяц больше тратят, чем нам на всю жизнь отвели.

Если уж есть официальные зарплаты в несколько сотен тыщ или миллионы, то никак уж не должно этой десятки быть. И прячут всё за какие-то средние зарплаты. Нет их, никаких средних зарплат! Есть нищие зарплаты, а есть огромные! Подлость и враньё одно сплошное!

– А эти пенсии по девять – десять тыщ?! Как это вообще?! А ежели ты подрабатывать от такой нищеты идёшь, то тогда тебе и доплаты к этому ужасу не положены. Подлость это!

– Не учили в детстве этих чиновников слабых не обижать, что слабых защищать надо. А им наоборот – слабых-то проще обделить. Они, вон, полиции и военным до пятидесяти подняли, умники, а остальные рожей не вышли, перебьются. Так и те пятьдесят уж инфляция съела. А как же те живут, кому не подымали, а?! Подлость сплошная! И нас же нищобродами теперь называют!

– У меня дочка с зятем в городе – оба врачи участковые, так слёзы одни. Они ж как на передовой – вся боль людская на них проливается. А зарплаты грошковые. За один участок дочке двадцать три тыщи насчитывают. Чтобы двадцать восемь получить, она по двум ходит. И зять так же. За что вот их так?! Они же институты закончили, людям служат. А их министерша главная говорит, что врачи не к деньгам должны стремиться, а самореализовываться. Как же им без денег реализовываться?! Они домой вечером приходят – там двое детей, там заплатить за всё надо. Вот пусть эта министерша от зарплаты своей откажется совсем, пока её врачи так мало получают.

– Любят у нас чиновники денежки. И арестовывают их, главное, не когда они первый миллион пытаются своровать, а когда они уже десять миллиардов стырили. А нам всё подсчитывают, двести рублей добавить или триста. Подлость одна сплошная! Яйца мы для них червечачьи! Назначили всякие минималки, чтобы заживо не сдохли. Подлые души!

– Эх, чиновьё! Присвоили всё, вот и жируют. Это, представьте, как если бы в походе руководитель группы тушёнку жрал, а все остальные крошками после его обеда да подножным кормом питались.

– Элита наша капиталистическая, мать её! И чё они такого очень полезного сделали для России, что у них денег столько?

– А ничё. Они просто самые большие и подлые воры.

– А все остальные – простолюдины вислоухие. Пусть тянутся на свою чахлую зарплатку или пенсию и не вякают.

– Вот вы, Анна Николаевна, довольны своей учительской зарплатой?

Анна Николаевна промолчала.

– Хватит вам, политиканы! – прикрикнула Таисия. – Надоели уже. В город, вон, поезжайте, на площади митингуйте. Там вас быстро полицейские уgomонят.

– А чё нам за сто вёрст за пошеями ходить? Нам дома ловчей. Мелочишку свою получим, да с приварком каким, да с огородишком – перебьёмся. Им нас за геополитикой всё равно не видать. Для нас земля плоская. Вон, погост наш на круглом взгорке – и есть вся округлость земли для нас. Такая вот житуха, мля.

– Слышь, Барсук, – посмотрел мутными глазами на Степана Иван Логин, – я всё ж лодку тебе пока не продам. Может, и правда получится у меня с протезом.

– Смотри, Иван, моё дело – предложить. Может, и правильно, порыбачим ещё вместе, – и Степан повернулся к сидящему рядом Александру Игонину. – Сань, у тебя инкубатор-то живой?

– Живой, чего ему сделается.

– Дай мне на время. Гусей породы невероятной хочу вывести, очень большие должны получиться. Твой-то Гусик растёт?

– Да вырос уже, три года ему.

– А-а. Так я зайду потом за инкубатором?

– Заходи, возмёшь.

Далеко за селом, у накатанной земляной дороги, покорно ждал Олега и Наташу оставленный на травянистой обочине отцовский мотоцикл. Розовый закат разлился по горизонту, обнял поля, коснулся излучины замедлившейся реки. Тишина, похожая на прозрачную воду, в которую можно погрузиться с головой, накрыла вечерние дали. Одни, забыв сейчас обо всём, шли по тропинке, взявшись за руки, Олег и Наташа.

– Хочешь, я прочитаю стихи?

– Стихи? Чьи стихи?

– Я написал тебе.

– Мне?! Ты написал... прочти... – они остановились.

– Звездой с небесной высоты
в мой мир земной спустилась ты.
Так бесконечно много лет
манил меня твой чистый свет.
И каждый шаг в моей судьбе
незримо вёл меня к тебе.
Любовь всесильною рукой
соединила нас с тобой.
Звездой с небесной высоты
в мой мир земной спустилась ты.

– Бесконечно много лет? – улыбнулась Наташа.

– Да, бесконечно много лет, – без улыбки ответил Олег. – Тебе понравилось?

– Да, красиво, – они пошли дальше. – Интересно, сколько лет этой тропинке... Сколько людей ходило по ней до нас... Сколько пройдёт после нас...

Глава 3

Барсуков пришёл к Александру Игонину за инкубатором через неделю, в субботу. Встречать субботнего гостя отправилась к калитке маленькая собачка, похожая на чёрную шерстяную варежку с виляющим хвостиком. Её звали Жуля. Она никогда не лаяла и не рычала на людей, а наоборот, всегда выказывала им свою дружелюбность. Если бы Жуля могла, то всем улыбалась бы и говорила: «Здравствуйте! Мы вам очень рады. Проходите, пожалуйста». Но она умела только вилять хвостом, что и делала. А охранял всех – собаку Жулю, пёструю кошку Муху и всё небольшое подворье Игониных – обычный домашний гусь. Обычный, но с очень необычной судьбой. История его началась три года назад со статьи «Инкубатор своими руками» в журнале «Сделай сам». Не проклянул бы гусёнок скорлупу своего яйца, не наткнись Александр на эти полезные советы самоделкину. Заработать на гусяном мясе – и в мыслях у мужика не было. А вот как дома птенца высидеть без наседки, древнюю тайну природы подсмотреть – это очень заинтересовало. И смастерил он инкубатор. Курица для важного эксперимента показала птицей банальной, поэтому разжился у соседей-гусятников подходящими гусяными яйцами. Разложил по ячейкам двадцать штук, температуру выставил, влажность – всё по статье журнальной. И вывелись! вывелись гусята! Двадцать птенчиков! Только один оказался заметно меньше и слабее остальных. В животном царстве, как известно, нет жалости и человеческих рассуждений о нравственности. Крупные собратья постоянно притесняли маленького. Александр частенько подкармливал его с ладони варёным яйцом, овсом, молодой травкой.

– Шпыняют и шпыняют тебя. То ли в коробку тебя отдельную отсадить... – жалел он маленького.

И отсадил бы, но сначала руки не дошли, а потом... Случилась нежданная беда. Вот как всё было.

Две недели прошли благополучно, гусята окрепли. В сооружённом для них в сенцах вольерчике стало тесно. Уже подумывали выпускать их пастись на травке – во дворе росла густая, мягкая мурава. Но...

– Привет, Татьяна! – как-то проходил Александр по центру села вдоль торговых палаток. – Как торговля?

– Привет, Сань! Нормально! Купи чего-нибудь, вон хоть кофточку Насте своей. Посмотри, красивая!

– В другой раз, Танюш, в другой раз. Привет, Жень!

– Привет, Санёк! Как дела?

– Нормально, – шёл Игонин дальше.

– Покупаем саженцы! Есть удобрения! Есть корма для животных! Всё есть! – кричал у какой-то заезжей автолавки мордастый мужик нагловатой внешности. – Подходим! Покупаем!

Люди подходили, смотрели, расспрашивали.

– Добрый день! – подошёл и Александр. – А для маленьких гусят корм есть?

– Обязательно есть! – повернулся к нему продавец. – Обязательно! Очень хороший корм! Для самых маленьких гусят! Очень хорошо расти будут, как на дрожжах! Покупай! Один пакет остался.

– Покажите.

– Вот, смотри, – мужик достал из будки серый, зашитый прочной чёрной ниткой пакет, – десять килограмм.

– А что же на нём ничего не написано?

– Я тебе так всё расскажу, слушай. Там эти... как их... шарики такие... эти... а, гранулы.

Вот, растолки их помельче и давай. Как на дрожжах расти будут! Спасибо скажешь!

– Сколько стоит?

– Тебе со скидкой – пятьсот рублей.

– Давайте.

И пошёл домой.

– Настя, посмотри-ка, – принёс он купленный в автолавке пакет, – корм гусятам.

– Ух ты! А что же на нём не написано ничего?

– Не знаю. Но мне продавец рассказал всё. Растолочь, сказал, надо гранулы и кормить.

И всё.

Растолочь оказалось просто, гранулы рассыпались при лёгком нажатии.

– Ну, ешьте, – Александр насыпал гусятам полный лоток нового корма. – А тебе, малой, попозже отдельно добавки дам, когда большие наедятся. Настён, долей им воды, чтобы вволю пили.

– Хорошо.

Потом отвлёкся, занялся другими делами и забыл дать маленькому гусёнку добавки. Большие птенцы охотно поедали толчёный корм, а ему доставались редкие крошки, отлетающие за их спины.

На следующий день девятнадцать подросших гусят лежали мёртвыми в своём вольерчике. В живых остался один, самый маленький. Ему тоже было плохо. Он сутки лежал, ничего не ел, но выжил, поправился. Умерших Александр унёс и закопал за селом. Злополучный корм показал опытным гусятникам.

– Что ж ты сразу-то к нам не пришёл, не посоветовался?

– Да вот, продавцу поверил.

– Надул он тебя. Этому корму сто лет в обед. Да и не понять, для кого он. Только выбросить.

Заезжая автолавка с мордой нагловатого вида укатила неизвестно куда, спросить не с кого, винить только себя.

– Не казись ты так, – успокаивала жена, – что ж теперь, так вышло.

– Да уж, вышло, – понуро качал головой Александр, – балбес я. Ладно, один пусть растёт. Теперь ему в вольере места много, и не обидит никто.

Гусёнка назвали просто – Гусик. Вырос из него – хилого птенчика – гусак-великан. И это он сейчас, уже трёхлеток, шёл следом за маленькой собачкой Жулей встречать Степана Барсукова. Шёл, широко распахнув серые крылья, вытянув шею и настороженно погогатывая.

– Хозяева! – крикнул у калитки Барсук. – Саня!

– Привет, Степан! – появился на крыльце Александр.

– Здорова, Сань! Я это, за инкубатором я. Помнишь, договаривались? Я с тележкой вот тут...

– Помню, помню, заходи. Чего у калитки-то стоишь...

– Так ты это... Гусика-то отгони. Вишь, гогочет как...

– Да заходи ты. Это он так, для порядку гогочет. Он хороших людей не щиплет, заходи.

– Я тут пару шук принёс, – вошёл в ограду с тележкой и рыбой Степан, – по килограммчику. С утрца порыбалил.

– О-о, хорошие шурята. Спасибо! Настёна пирог сделает. Пойдём в дом, чайку попьём.

– Да не, не, тороплюсь я.

– А, ну, тогда погоди, щас я инкубатор вынесу, в сенях он.

– Ага, давай, погожу.

Долго ждать не пришлось.

– Вот, бери, – вынес и положил на тележку инкубатор Александр. – А это журналчик тебе, считаешь статейку, чтобы знать всё.

– Ну, спасибо, Сань! – с очень довольным лицом поблагодарил Степан. – Яйца мне какие-то селекционные, новой породы свояк привёз из города. Гуси, говорит, такие крупные выйдут,

диковинные, каких не видали ещё. Я, если гусята получатся, обязательно тебе выделю, как инкубатор возвращать буду.

– А ты знаешь, Стёп, ты не возвращай мне его. Пусть он твой будет. И гусят мне не надо. Вон, Гусик у меня есть, мне и хватит.

– Да ты чё, Сань?! Ну, спасибо тебе! Я тебе рыбки...

– Да не надо ничего. Просто бери, твой он теперь.

Барсук покати́л к своему дому тележку с инкубатором, повторяя слова благодарности.

– Будут теперь у людей гуси диковинные, – смотрел ему вслед Александр, – а мы другим чем-нибудь займёмся, ещё что-нибудь придумаем.

Так всегда у него выходило – смастерит что-нибудь полезное и подарит мимоходом. Увидел как-то, бабушка у соседей шерсть прядёт. Прялка на старый лад – дави и дави ногой на педаль. Вспомнил сразу, что лежит у него в сарае моторчик от стиральной машинки. Машинка сама в металлоломе давно сгнула, а моторчик – вот, дождался новой службы.

– Дайте-ка мне прялку вашу на пару дней, – говорит Александр соседям.

И на третий день возвращает её уже с электрическим приводом. Те его благодарят, а он отмахивается: «Ладно вам». И уже ещё ему что-нибудь интересно. То у других соседей самовар знатный среди ненужных вещей приметит. Знатный самовар, а вместо носика – дырка. Заберёт, восстановит, принесёт. А то с мальчишками деревенскими такой планер сделает, что он долго-долго летит, если его с холма высокого запустить.

С чужими мальчишками. А своих детей у Александра и Насти Игониных не было. Ребёнка ждали тринадцать лет, со дня свадьбы. Уже на третий год мать Насти, отдельно приглашённая врачом после осмотра дочери, услышала: «Матка тринадцатилетней девочки. Детей не будет». А мать потом дочери сообщила – помягче, чтобы не сразу, чтобы не наповал. Особо, конечно, такое не смягчишь. Упало Настино сердце в чёрную горечь. Но они всё равно ждали. Иногда Настя срывалась:

– Зачем я тебе, пустобрюхая?! Брось меня! Нормальную найдёшь!

– Будет у нас ребёнок, обязательно будет, – прижимал к себе жену Александр, – потому что я жить без тебя не могу. А помнишь, как мы целовались первый раз? За селом, на тропинке. И под ливень попали. А потом были солнце и радуга. Помнишь?

Они влюбились ещё в школе. Настя проводила своего сильного, весёлого, доброго Сашу Игонина в армию и пообещала: «Я обязательно тебя дождусь». Он попал на вторую чеченскую войну. Домой вернулся хмурым, молчаливым, замкнутым. Но здоровым и целым – уже большая радость. Вернулся ещё более сильным. И обученным убивать. Чуть ниже левого виска белел короткий, тонкий шрам. Осколок чиркнул. Для войны – ерунда, мелочь. А душа, видно, сильно была помята, от весёлости и общительности ничего не осталось. Долго ходил Александр хмурым и нелюдимым. И найти себя ни в каком деле долго не мог, ничего не хотелось. Уединялся на природе, забредал подальше от всех. Так год миновал, второй потянулся. Однажды оказался он на заросшей камышом, затянутой тиной и ряской старице. Место было похоже на затерянный мир. Сидел Александр на подгнившей, поваленной осине, а душа плутала где-то в закоулках саднящей памяти, далеко от этой старицы. В руки случайно попал кусочек белой глины – лежал у ног, поднял машинально. Пальцы сами собой начали мять подобранный пластичный мякиш. Из темноты прошедшего времени летели пули, смотрели глаза убитых друзей. А пальцы мяти, мяти, мяти глину. Вылепили сначала какую-то бесформенную фигурку. Сломали её. Потом вылепили человечка, потом лошадь... Лепили, лепили, лепили... И Александр впервые после своей войны вдруг стал видеть не взрывы и мёртвые глаза, а что-то другое. Увидел то, что слепил: собаку, лошадь, человечка... Фигурки будто отодвинули ослепляющие видения. За густо разросшейся мать-и-мачехой открылась уходящая вдаль низина, вся белая от волшебной глины. И он словно очнулся, словно прозрел. Бросился домой.

– Настя, подожди меня, – кидал в дорожную сумку вещи, – ещё немного подожди. Мне нужно в город. Я вернусь, и тогда всё будет хорошо. Подожди ещё немного.

Вернулся через три месяца. Привёз из города гончарный круг и разный инструмент для гончарного дела. Сам сделал печь для обжига. И пошло у него, пробудился талант неожиданный. Может, боль от войны растормошила в противовес дар этот, чтобы уберечь душу от гибели. И глина та, у старицы, такой удачной оказалась – жирная, послушная. Вытягивали да лепили руки без усталости. А вещицы у Александра все по таланту выходили. Не просто какие-нибудь горшки и кувшины пузатые без лица, а всё – с изюминкой, всё – штучки. К нему из города приезжали, покупали готовое и ещё заказывали.

С Настей поженились. Она училась в педагогическом на заочном и работала в школе учителем начальных классов. А Александр в мастерской за гончарным кругом чувствовал себя так, словно музыку или картины писал – в душе с каждым днём свет прибавлялся. Пришло, казалось, долгожданное счастье для двоих, жить и жить. И тут эти слова: «Матка тринадцатилетней девочки...» Упало Настино сердце в чёрную горечь.

Но они всё равно ждали, ждали, ждали... ребёнка. В Александре вообще осознание Настино диагноза не приживалось: «Детей не будет?! Чушь!» Уверен был, что будут. К нему вместе с белой глиной из заросшей мать-и-мачехой низины пришла такая светлая сила жизни, что теперь от него самого она исходила. То, что руки мастеровитыми становились – прялки там, самовары до ума доводил – одно дело. Главное, жалость большая и любовь ко всему живому душу его заполнили. И живое тянулось к нему, как к источнику. Если яблоня молодая у кого-нибудь не росла, или лоза виноградная капризничала, он только ладонью к стволу прикасался, здоровался, и растение словно просыпалось – новые ветви шли в рост, покрывались листвой.

Даже собачке своей, Жуле, помог Александр остаться жить на свете. Угадал же оказаться именно в тот момент и у тех соседей, у которых собачонка щенилась. Одного щенка родила, а потом что-то у неё внутри неправильное случилось – перевернулось ли, перехлестнулось. Никого она больше не родила. Скулила, скулила и умерла. Успевший родиться щенок пищал, беспомощно елозил лапками, тыкался слепой мордашкой в мёртвую мать.

– Надо выбросить всё в яму за огородом, – решили хозяева.

– Погодите-ка, – остановил их Александр, – возьму щенёнка. У нас кошка котят кормит. Примет, так будет жить.

Пёстрая кошка Муха приняла щенка, выкормила. Но если бы Александр не подхватил вовремя осиротевший живой комочек и не принёс его к кошкиному молоку, то и не было бы сейчас во дворе чёрной собачки Жули. А так – вот она, виляет всем хвостиком под присмотром бдительного Гусика.

В то лето, когда Степан Барсуков пришёл за инкубатором, Игонины забирали из детского дома девочку. До этого документы оформляли почти год. А увидели, угадали сердцем темно-волосую, тихую шестилетнюю Аню среди остальных ребятшек сразу, в первый же приезд, когда привезли с собой большую коробку глиняных ярко раскрашенных свистулек и фигурок. Аня не играла и мало общалась с другими детьми и почти всё время смотрела в окно. Смотрела не по-детски пристально и очень грустно.

– До нас она последний год с бабушкой жила, – рассказывала директор детдома. – Отца не знает с рождения. Мать два года назад уехала на заработки – и с концами, никаких вестей от неё. У бабушки сейчас у самой со здоровьем плохо, с сердцем. Самой уход нужен, в интернат оформляется. Приезжала к внучке несколько раз, больше не может. Ни мама не возвращается, ни бабушка теперь вот. А девочка от окна не отходит, смотрит, ждёт. Других родственников у неё нет.

Аня знакомилась неохотно, отстранялась, на вопросы отвечала коротко или вовсе молчала. Но всё же Александр и Настя пытались с ней подружиться, преодолеть эту замкнутость и колючее, какое-то взрослое недоверие.

– Мама приедет, а меня здесь нет! – испуганно ответила девочка, когда они первый раз предложили ей поехать к ним, посмотреть дом и какие красивые у них река и лес. – Я не пойду, буду у окна стоять, чтобы мы сразу увидели друг друга, когда мама приедет за мной.

– А мы скажем твоей маме, куда ты поехала, – Настя взяла Аню за руку. – Не бойся, она найдёт тебя, как только приедет.

– Поедем, – улыбаясь, звал Александр, – посмотришь всё. У нас живёт разноцветная кошка Муха. Она очень любит мурлыкать. Ещё у нас живёт самая добрая в мире чёрная собачка Жуля. Она всем виляет хвостиком. А ещё у нас живёт Гусик. Он большой, серый. У него длинная шея и красный клюв. И лапы у него тоже красные.

– А кто он? – удивлённо посмотрели карие детские глаза.

– Это наш домашний гусь, наш друг. Он всех защищает и охраняет, и Муху, и Жулю, а на чужих сердито шипит и громко гогочет.

– А вдруг он на меня тоже зашипит?!

– Нет, что ты?! Гусик очень умный и сразу поймёт, что ты ему тоже друг, как и мы. Вы обязательно станете с ним самыми лучшими друзьями.

Во всех следующих разговорах Аня непременно спрашивала про Гусика:

– А какого он роста?

– Он как ты, такого же роста.

– А он правда со мной подружится?

– Конечно, конечно, вы подружитесь.

Когда Аня захотела поехать, у неё оставалось ещё два условия:

– А мы будем к моей бабушке ездить?

– Обязательно будем, – держал на руках девочку Александр, – сколько ты захочешь, столько и будем.

– И ещё я хочу взять с собой куклу Машу. Мне её мама давно подарила.

Александр принёс из магазина пять красивых кукол и железную дорогу с катающимися по ней паровозиком и вагончиками. Положил всё перед детьми:

– Играйте, это вам, – и сам же собрал им и установил на полу рельсы и пустил по ним игрушечный состав.

Провожать Аню вышли все ребяташки. Она смотрела на них из окна удаляющейся машины. «Уазик» выкатился из детдомовской ограды и помчался прочь по городской улице. В интернат для пожилых людей.

– Не бросайте Анечку, – держала Настю за руку Анина бабушка. Аня сидела на краешке её кровати. – Ей уже такая разлука выпала, что и взрослому тяжела бы... Я вот ещё свалилась...

– Вы не переживайте, – от волнения Настя говорила сбивчиво, – у Ани всё будет... всё хорошо у Ани будет. И комната своя, и всё...

– Я молиться за вас буду, каждый день Господа о помощи просить.

– Вы поправляйтесь, – тоже волнуясь, добавил к Настиним словам Александр, – а как врачи разрешат, мы вас домой заберём. Все вместе будем с Аней.

– Ты слышишь, баба, мы вместе будем! – подпрыгнула от радости на краешке кровати девочка и прижала к груди куклу Машу, давно подаренную мамой.

– Светлые вы люди, – улыбнулась им бабушка, – поезжайте.

Дорога от интерната до дома заняла не больше часа. «Уазик» подъехал к забору, за которым уже ждали Жуля и Гусик.

– Заходи, Анечка, – открыл калитку Александр, – смелее. Это и есть наши друзья. Видишь, как Жуля тебе хвостиком виляет. Где-то Мухи ещё не видно. По делам по своим гуляет где-нибудь, или в доме. Потом познакомитесь.

А большой серый гусь в это время, широко распахнув крылья и негромко погогатывая, по-хозяйски важно ходил полукругом возле калитки. Он будто выражал тревогу и недоумение: «Это кто? Впервые вижу!» Девочка от испуга прижалась к Александру и даже прикрыла руками куклу Машу.

– Что же ты, Гусик, так сердито нас встречаешь?! – повысил на гуся голос мужчина. – Давай-ка, успокойся и подходи знакомиться. Это наша Аня, и ты должен с ней очень крепко подружиться. Давай, давай, подходи. Я сказал Ане, что ты у нас умный и добрый.

И гусь подошёл. Перестал гоготать, сложил крылья и вразвалочку подошёл.

– Ну, вот, другое дело, – Александр погладил длинную гусиную шею. – Аня, ты тоже можешь погладить. Видишь, Гусик успокоился и хочет с тобой познакомиться.

– А он не клюнет? – девочка боязливо протянула руку.

– Нет-нет, теперь нет. Он теперь хочет с тобой подружиться. Погладь, не бойся.

Аня погладила.

– У него под пёрышками как будто твёрдые маленькие трубочки составлены друг на дружку.

– Вот такая у него шея. Погладь, погладь ещё, ему нравится.

А гусь замер, застыл под нежной детской ладошкой.

– Давай с тобой дружить, Гусик, – тихо сказала Аня, глядя на красный гусиный нос и продолжая осторожно гладить вытянутую шею.

– Ну, теперь обязательно подружитесь. Вон как ты ему понравилась – стоит, не шелохнётся даже. И Жуля, смотри, об ноги тебе как трётся. Ей тоже понравилась.

– Давайте-ка, дорогие мои, в дом пойдём, – закрыла калитку Настя. – Отдохнём сейчас с дороги и пообедаем, а потом снова выйдем. Гусик с Жулей подождут.

Когда поднимались на крыльцо, за спинами резанул воздух такой пронзительный гусиный крик, что его услышало, наверное, всё село. Обернулись на ступенях и увидели, как Гусик снова распахнул крылья и, задрвав голову, идёт следом.

– Это он не хочет, чтобы ты уходила, – сказал Ане Александр. – Признал он тебя. Теперь ты у него тоже есть, как и мы.

Девочка очень подружилась и с кошкой Мухой, и с Жулей, и с Гусиком. Маленький, но волшебно яркий и бесконечный, как небесный купол, детский мир накрыл их. Тут тебе и дочки-матери, и забинтованные понарошку порезанные и сломанные лапы. А ещё – удивительные истории про мальчика Маугли из джунглей, рассказанные Аней её лохмато-пернатым друзьям (воробьи тоже частенько прилетали стайкой послушать рассказы девочки). Все они слушали так внимательно, что было бы абсолютной глупостью подумать, что им что-нибудь непонятно.

Но самая сильная дружба сложилась у Ани с Гусиком. Когда она уходила, гусь громко вскрикивал от расстройства. А когда Аня снова выходила на улицу, он кричал от радости и бежал ей навстречу с распахнутыми крыльями. Подбегал, вытягивал шею и клал голову девочке на плечо. Так они обнимались.

Дни шли хорошо. Поначалу Александр и Настя очень переживали, что тоска по матери не даст Ане прижиться у них. Но детский мир в дружбе с Гусиком и остальными маленькими домочадцами всё переиначил – родилось новое, особенное царство, в котором кроме верности и любви ничего не было. Девочка прижилась. Ещё и подготовка к учебному году – время заполнилось.

В сентябрьское воскресенье Игонины втроем поехали с утра в интернат, навестить бабушку. Они ездили к ней каждый выходной, вот и в этот поехали.

– Баба, мы тебя сегодня с собой заберём, – прижималась Аня к бабушке. Они сидели на скамье в сквере интерната. – Ты же правда уже поправилась?..

– Ой, милая, рано мне ещё, – обнимала та внучку, – при врачах ещё надо быть. Рано мне...

– А когда? Когда можно будет? Знаешь, как Гусик тебе обрадуется! И Жуля, и Муха тоже!

– И я их рада буду увидеть. Вот давай зиму подождём, а там уже посмотрим. Поправлюсь, так в гости к вам съезжу.

С бабушкой пробыли часа три – наобнимались, наговорились. Потом проехали по городским магазинам. Купили Ане зимнюю куртку, купили большой торт, украшенный красными розами. Мухе с Жулей взяли специальный шампунь, а Гусику – синий бант с золотым колокольчиком. Аня очень хотела повязать его своему другу на шею.

Домой приехали в начале пятого. Девочка торопливо выбралась из машины – скорее показать подарок друзьям. Но у приоткрытой калитки никто не встречал.

– Гусик, где вы все?!

– Что тут случилось? – вошёл в ограду Александр и увидел на траве серые гусиные пёрышки. Из-за крыльца выглянула Жуля и, прихрамывая, поплелась к ним. – Кто тут был?

– Это бомжи городские, – вдруг, как из земли выросли, появились мальчишки. – Их трое, два дядьки и одна тётка. Они в ограду к вам забежали и Гусика поймали. Он вырывался, а они ему шею скрутили и в мешок его засунули. А Жульку как пинанули сильно, она аж улетела. Мы на них кричали, а они всё равно Гусика утащили.

У Ани по щекам потекли слёзы. Настя прижала её к себе, и она затряслась от рыданий.

– Куда они пошли? – прохрипел Александр.

– Они вон туда, за пожарку, на поля, где горох сеяли.

«Уазик» сорвался с места и уже через три минуты оказался на полях. Недалеко от околицы в одной из лесополос горел костёр – хорошо был виден поднимающийся среди ещё зелёных тополей сизый дым. Александр подъехал к сидящей у огня компании. Как мальчишки и сказали: «два дядьки и одна тётка». Они курили, говорили о чём-то, смеялись. На обрывке картона рядом с ними стояли ополовиненная бутылка с мутной жидкостью и стакан, лежал кусок хлеба. Над огнём висело на перекладине обнесённое копотью ведро. А в стороне Александр увидел на вытопанной траве ворох окровавленных серых перьев, кровавые сгустки и отрубленную гусиную голову. Увидел и... перестал видеть. Теперь ему виделось, что стоит он не в поле у лесополосы, а на зимней реке. Только под ногами не лёд, а покрывающая реку белая глина. Но глина больше не держит его, проламывается, он проваливается в полынью. И вытекает из-под белой глины не вода, а кровь. Там, на дне, слышны взрывы, автоматные очереди, рваные крики. Там идёт война, от которой когда-то у заросшей старицы отгородила, укрыла, спасла Александра гончарная белая глина. Сегодня чудовищного джина откупорили, выпустили на волю. И снова Александр стал солдатом войны, снова увидел серые, тусклые лица бандитов. Услышал их лающие голоса: «Те чё надо?! Ты чё, больной?! Ты чё творишь?!...» А он, не чувствуя боли, схватил с огня и надел на голову близ сидящего бандита раскалённое ведро с кипящим варевом. Ошпаренный бомж взвыл и покатился по траве. Александр подобрал с земли один из вывалившихся из ведра кусков мяса и ударил им по челюсти второго бандита. Потом повалил его, оседлал и стал вдавливать, вламывать это мясо в орущий, хрипящий, задыхающийся рот.

– Жри! – кричал Александр и давил, давил, давил всем весом и всей силой в выламывающиеся зубы. Кровь застилала глаза. Он ненавидел. Он убивал.

– Саня! Саня! – схватили вдруг сзади за плечи сильные руки. – Остановись! Убьёшь же! Стой!

Сергей Сыскин – его дом через улицу от дома Игониных – возвращался на своём «Ниссанчике» с калыма из соседней деревни. Решил срезать путь и поехал через поля, вдоль лесо-

полос. Уже почти добрался, уже околица за крайним полем – три минуты докатиться. А тут на дороге «Узик» Игонинский. А в лесополосе у костра драка. Видно, что один кто-то по земле катается, ещё одного Саня к земле придавил. А ещё какая-то невысокая фигура с чёрными женскими космами и в больших мужских башмаках на тонких ногах прыжками удирает прочь по лесополосе. Сергей затормозил.

– Хорош, Саня, хорош... всё... – кое-как оттащил он разъярённого Александра. Хорошо, что сам сильным был. Другой бы не справился. – Ты чё, убить их собрался? Кто такие-то?

– Бомжи городские, – тяжело дышал Игонин. – Вон, с Гусиком, твари, расправились... Спасибо, что не дал убить... сам бы не остановился.

Отдышавшись, уехали. Александр ходил хмурый, разговаривал мало, будто только что снова вернулся с войны. Уединялся, правда, теперь не на природе, а в своей мастерской. Две недели почти безвылазно просидел в ней, всё что-то стучал, пилил, строгал. А потом вышел на свет с большим свёртком и отправился к Логиным.

– Здравствуй, дядь Вань! Здравствуй, тётъ Даша!

– Здорова, Саш, здорова! – приветливо закивал хозяин. – Заходи.

– Я тут это, дядь Вань, протез тебе смастерил. Давай, может, попробуем сейчас, примерим, посмотрим. А то, может, подделать что надо... Смотри, вот...

– Саня, ты это чё... ты это мне што ли? – взялся за костыли, пытаюсь подняться, Иван.

– Да ты сиди, не вставай. Давай ногу, примерять будем. Тут, смотри, сверху кожух такой плотный, им можно толщину регулировать, и ремни крепёжные на нём. А снизу трубка телескопическая, чтобы высоту выставлять фиксатором. К ней, смотри, стопа на шарнир крепится. А к ней пружины с двух сторон, возвращать её при сгибе в исходное положение. Ну, вот, рассказал тебе всё. Попробуем давай...

– Саня, это ты мне такую штуку... – как задушевную песню слушал пояснения Иголина прослезившийся Иван.

– Давай, дядь Вань, давай. Может, сегодня уже на своих двоих пойдёшь.

И в тот же день сделал Иван Логин, хотя, конечно, и с помощью костылей, несколько первых шагов на новой ноге.

– Потихоньку научишься. Глядишь, следующим летом снова на рыбалку ходить будешь, – первый раз после бойни в лесополосе улыбнулся Александр и попрощался с Логиными, вернулся домой.

– Обедать будешь? – встретила Настя. – Мы с Аней поели. Со школы пришли, ждали тебя, ждали. Теперь уже к ужину ближе. Борщ разогреть?

– Разогрей, Настюш.

– Хозяева! – крикнули вдруг под окном. – Саня! Дома ты?!

– Кто бы это... – повернул обратно Александр. Вышел на крыльцо. У ступенек стоял Степан Барсуков. Рядом с ним виляла хвостиком Жуля. – О, Стёп, привет! Заходи, Настя борщ как раз греет.

– Да я нет, я принёс вам тут, – протянул Степан небольшую корзинку, покрытую белым платком, – возьми.

– А что там? – сошёл вниз и принял корзинку удивлённый Александр. Убрал платок, а под ним – гусёнок. Сидит на доньшке жёлтый пушистик с оранжевым клювиком. – Ох, ты... ну, ты, Стёп... ну, ты... – горло перехватило от подступивших слёз.

– Вывелись вот, в инкубаторе-то. Уж десять дней им. Этот самый шустрый. Шустриком можно назвать. А надо, так больше возьмите, мне не жалко. Ещё выведу.

– Да нет, Стёп, спасибо, нам одного хватит, – справился с волнением Александр и повернулся к открытой двери. – Аня! Настя! Идите-ка на крыльцо, посмотрите.

– Здравствуйте! – первой вышла из дома Анастасия. А когда увидела в корзинке гусёнка, остановилась, прислонилась к дверному косяку и тоже еле сдержала слёзы. Слишком уж недавней была смерть Гусика.

И тут же выскочила на крыльцо Аня. Выскочила и сразу протянула руки к жёлтому пушистику. Не вскрикнула радостно, не удивилась, а встретилась с ним так, как будто он и должен был оказаться сейчас здесь.

– Возьми, дочка, – улыбался и держал перед собой корзинку Александр.

– Здравствуй, Гусик, – взяла птенца Аня. – Я знала, что ты вернёшься. Ты же не мог бросить меня. Мы же не должны расставаться. Пойдём, я повяжу тебе твой синий бант с золотым колокольчиком. Он ждёт тебя.

Глава 4

Сергей Сыскин в жизни стоял на ногах твёрдо. Это и в прямом смысле: от занятий в юности футболом и боксом ноги были как железобетонные сваи, а кулаки – как гранитные булыжники. И в смысле переносном – «заработать». В этом Сергей являлся человеком очень умелым, так как в окрестных селениях слыл лучшим мастером, буквально – профессором отопительных и сантехнических систем. Даже в те времена, когда наши власти всех уровней мало думали о народе (а такие времена у нас не редкость), он не унывал.

– Проблем-то нету, – лукаво шурился в ответ на чей-нибудь воспалённый вопрос «Как без денег жить будем?», – будем жить. Раз калым, два калым – вот проблем и нету. Прорвёмся.

Любил Сергей жизнь, всё в ней любил: женщин любил, природу, мясо на праздник пожарить, заработать хорошо любил. Всей натурой своей был от мира сего. И только одна узкая полоска в его жизненном спектре, насыщенном, густом и отчётливо земном, не совпадала цветом с основным содержанием. Одна – в самом начале, в годах совсем юных – светлая, тоненькая, совершенно солнечная и едва различимая за остальной прожитой до сего дня жизнью. И частенько о ней, помимо прочего, заводил разговор профессор калымных дел, когда выпивал со своим другом Володькой Егоровым. Разговор этот, начавшись много лет назад, время от времени повторялся.

– Ты знаешь, Вовка, как я в юности рисовать хотел, – тяжёлой рукой обнимал за плечи друга Сергей, погружаясь в чувства под давлением выпитого. – Мне снились даже картины, как я их пишу. Ты вот напрасно улыбаешься, я тебе серьёзно говорю. Я прямо видел, как за мольбертом стою. На косогоре где-нибудь, а чуть ниже колок кудрявится. Или у озера – бережок такой травянистый, вечереет, луна только проклюнулась. За камышом по центру рыбак в лодке, а над ним утки стаей летят. Я даже доску для этой картины приготовил. Лиственница – медовая, чуть скрасна, гладенькая. До сих пор, кстати, не пустил её ни на что. Храню зачем-то, сам не знаю.

– Ну, и чё же художником не стал? – поначалу спрашивал Егоров, когда впервые услышал это откровение. – Может, рисовать – призвание твоё, а ты похерил его.

– Чего похерил?! Я с четырнадцати лет сам себе на хлеб зарабатываю. То одно надо, то другое. Семья вот, дом, ребятишки. Всё надо чего-нибудь. Думаешь, я не переживаю?! – наливал ещё по одной Сергей. – Уплыла моя мечта, улетели утки. Мне по сей день картины мои ненаписанные снятся, – выпивал, молчал пару минут. – Только всё реже теперь. Знаю, что не напишу их никогда.

– Почему?

– Потому что сегодня один калым закончился, а завтра новый начнётся. И не будет ничего другого, одна гонка эта за деньгами.

Короткое пьяное смятение чувств выветривалось, привычное жизненное равновесие возвращалось и покрывало душу верным защитным слоем.

– Проблем-то нету, – снова лукаво улыбался Сергей. – Раз калым, два калым – безнадёгу победим. Заработаем.

Один объект сменялся другим, потом находился третий и тоже проходил. С ними проходили дни, много дней – месяцы. Годы.

– Прошлой ночью опять утки приснились, – сбил Сергей водой поднявшийся в мангале под шашлыками огонь. Он получил деньги за очередное сделанное отопление и отмечал это событие во дворе своего дома. – Долго не снились, а вчера опять.

– Какие утки? – удивился друг Егоров, не сообразив сразу.

– Какие, какие... Которые над озером летят.

– А, эти-то.

– Вовка, ты понимаешь, они же не по небу, они в душе моей летят. Снова летят! Вижу, как стою я на бережку, а стая из-за камыша с чистой воды поднимается. У меня и холст передо мной, и палитра в руке. Я кистью краску с неё беру, хочу момент этот запечатлеть. По холсту веду, а следа не остаётся. Я снова краску беру, а на холсте – ничего. Как будто по воздуху я кистью провожу.

– Это же во сне. Мало ли что во сне увидишь. Пустяки.

– Не-е, Вовка, не пустяки. Это ведь у меня в жизни так получается, как во сне-то. Улетела моя стая, не запечатлел я её. И мается душа последнее время, аж места не нахожу. Как будто света мне в ней не хватает, как если бы воздуха в груди не хватало.

– А ты щас нарисуй. Возьми и нарисуй.

– Не смогу. Огня во мне прежнего нет, не горит больше. Я вот неделю назад Саню Игонина от бомжей оттащивал. Он их за Гусика своего убивал. Убивал, понимаешь?! И убил бы, если б не оттащил. А мне за моих уток кого бить? Некого, понял, только себя. Улетели они, а я себе даже пенделя не пнул, живу себе, хлеб жую, – Сергей снова сбил поднявшееся под шашлыками пламя. – Вот, в мангале теперь мой огонь. Давай, наливай, – он раздвинул на шею ворот рубахи, словно действительно задышался.

Друзья выпили, закусили, закурили.

– Серёг, тут же каждому своё, – глубоко затянувшись, выпустил Владимир сизый дым. – Саня Игонин – гончар от бога, ему такой талант дан. А ты по отоплению лучший мастер – у тебя такой талант, тоже от бога.

– Саня, когда гончарит, песни поёт. Он сам рассказывал. Вот и понимай это так, что в душе у него песня. А через руки она в работы его вдыхается. Представляешь, как жизнь. Вот и нравятся они всем, живые они. Чудо получается.

– Твоё отопление тоже всем нравится. Тоже для жизни. Вон, отбою от заказчиков нет.

– Нравится-то оно нравится... Только у меня вместо песни усталость в душе. Как штамповка какая-то – все эти мои калымы. А я – пресс штамповочный. Понимаешь, устал я от всего. Такая, знаешь, апатия – не высказать. А Саня не устал. И не устанет. Давай, наливай ещё. Мы с тобой после десятой рюмки тоже споём душевно, – усмехнулся тоскливо.

– Так и у меня – калым за калымом. А как ещё жить-то?! На какие шиши?!

– Не знаю я... Но не хватает мне света, понимаешь... задыхаюсь... нельзя без света... не могу больше так вот дальше калымить...

Снова выпили и закусили. Подоспел шашлык.

– Ух, запах какой! – стянул на тарелку с первой шпакки потемневшие от жара куски мяса Сергей. – Вовка, ты вот говоришь, талант от бога. А ты крещёный?

– Да, в детстве ещё, мальцом. Кажись, даже грудным ещё.

– Вот-вот, и меня грудным хотели. Отец с матерью на «Газике» повезли. До Покровки минут двадцать ехать, в церковь-то. Ну, а я не доехал, в пелёнки надристал.

– Так и не покрестили? – засмеялся друг Егоров.

– Меня вскорости опять повезли. И чё ты думаешь? Я опять... После второго раза уже мать с отцом такой вывод сделали, что заказан мне пока путь к крещению. Решили, мол, вырасту – сам тогда покрещусь. А была бы у нас своя церковь, так успели бы, может.

– Успели бы, – ещё больше засмеялся Егоров, – как раз бы в церкви надристал. А ты шас покрестись. Шас все крестятся, кому охота. Кто из-за моды, а кто, может, правда верит.

– Вот-вот, из-за моды. А самые большие кресты – у бандитов. А попы их крестят и грехи им отпускают. Столько золота на шее у тех и у других, что новый приход бы хватило отстроить и подать каждому прихожанину.

– Кто их знает, какие у них дела. Есть же, наверное, и хорошие попы.

– Есть, наверное. Но у них, я так представляю, сума пустая должна быть, или уж хотя бы не такая ожиревшая. Они ж – до бога проводники, а не поборники. А тут, гляди, всё за деньги. Перечень ценников у них – как меню в ресторане. Нет, проблем-то нету, я заплачу. Только к кому он меня проведёт, такой проводник? У него карманы золотом набиты – он сам идти не может, а ему ещё меня вести.

– Попы-то попами, а сам-то ты идти хочешь? Я потому спрашиваю, что про это же всё, что и ты шас, раньше как-то с тёткой своей говорил. Да ты знаешь её, тётъ Люба-то. Её как брат мой, Толян, из деревни в город к себе забрал, так она сильно быстро здоровьем сдала. Оно понятно – от земли-то оторвалась. Но зато у ней в городе к храму доступ большой. Здесь-то у нас нет ничего. Вот я посмотрю на неё, она ведь в любую погоду – дождь там или мороз трещит, а она всё равно в церковь на молебен идёт. Хоть там простывшая совсем, хоть охromeет на обе ноги, а поковыляет. Я вот в церкви сто лет не был, даром что крещённый. А она – не дай бог, чтоб не пойти. Говорю ей: «Ты попу руку целуешь, а он этой рукой деньги загребаёт». Так она не с обидой мне, а с печалью какой-то такой давай попу защищать: «Батюшка должен быть, так надобно. Я жеть хожу богу молиться, а не батюшку судить. Нельзя судить. А што богато живёт, так надо то простить». Во как! Понимаешь?! Прощают бабули попов.

– Мы б с тобой уж никак бы не простили. Нет уважения к таким попам, – они ещё выпили, пожевали мясо. – А бабушки, видишь, прощают, – продолжил Сергей. – Вот про церковь говорят – место намоленное. Так, я думаю, эта намоленность как раз от их молитв и происходит. Коль чистые у них души, так и молитвы тоже чистые. Нету корысти никакой. Если и просят, то всё за кого-нибудь.

– Да уж. Какие есть они, такие перед богом и стоят.

– Я тебе уже много рассказывал, как мы с Анной моей Вильгельмовной в феврале этом в Иерусалим ездили. А всё равно, сколь ни рассказывай, словами не передать, чё я там испытал. Вот где, Вовка, намолено! Сколько там всех! И мы там, и армяне, и евреи, и греки. И эфиопы там... Откуда они там?! А они там – идут, чёрные такие, тоже паломники.

– Надо же...

– Говорю тебе. А главное, Вовка, на лицах у всех доброта и тишина восторженная. Такое, Вовка, благоговение и волнение в душе!

– Да-а...

– Стою я на плитах и понимаю... Нет, прямо ощущаю ступнями, что под плитами следы Его, земля, по которой Он ходил, камни, которые Ему в кожу впивались. И чувствую я их сильней, чем если бы своими ногами. Представляешь?! Чувствую, что был Он, что – правда всё.

– Уверовал?

– Дело не в этом. Не то что уверовал, а словно как увидел Его и точно понял, что был Он. А значит, получается – есть.

– И как ты это почувствовал? Со мной даже близко такого никогда не было.

– Как бы тебе это объяснить, – остановился, подбирая доходчивое объяснение, Сергей. – Вот ты чё почувствовал, когда тебе жена первый раз сказала, что беременна?

– О-о, это-то понятно чё... Это-о... даже не знаю, как сказать... Обрадовался сильно, – заулыбался очень понятному и дорогому Егоров.

– Вот, примерно так, – удовлетворённо хлопнул себя по колену своей медвежьей лапой Сыскин, видя, что угадал с объяснением. – Вчера ещё не было никого, а сегодня есть. Ты не видишь её, а она есть – новая жизнь. И у тебя к ней сразу восторг и любовь.

– Если так, то конечно. Это очень мне понятно. За это вообще выпить надо.

– Давай, давай, за это надо, – они выпили. – А ещё, Вовка, чуду я поразился: камень там помазания – плита такая мраморная, в трещинах вся, жёлто-серая такая. На неё Христа после казни положили. И ты знаешь чё... Из неё масло выделяется и выделяется, из каждой трещинки, из всей поверхности. Мироточит плита. Верить – нет, люди ладонями масло всё сотрут, платками промокнут, а оно опять. Я же сантехник, я всю плиту осмотрел – нету никаких трубок, ничего не подведено, я бы увидал. Чудо, ты понимаешь?! Прикасаешься к нему, и душа замирает.

– Тебе верю, ты бы увидал. Но как же оно тогда выделяется?

– Вот, Вовка, запало мне в душу это чудо, не отпускает. Так мне по фазе двинуло, что об нём теперь постоянно думаю. Заболел я им, понимаешь?! Хочу, чтобы у нас в деревне тоже чудо было.

– Да ты чё, Серёг?! Сравнил тоже, Иерусалим и мы – не-е. У нас и церкви-то никакой нет.

– Вот, Вовка, именно. А надо, чтобы была, – до конца раскрыл свою новую мечту Сергей, и Егоров понял, что в Иерусалиме его друга действительно сильно двинуло по фазе. – Пусть хоть маленькая совсем, часовенка, но у нас. Чтоб намолено в ней было, и чудо тоже. Вот тогда бы я покрестился. Может, не просто так мне снова утки снятся с картины моей ненарисованной? Зовут...

– Да-а... придумал ты...

– Ты крестик серебряный носишь?

– Серебряный.

– Не темнеет он у тебя?

– Да нет, вроде...

– Ну-ка, покажи... Вот, видишь, блестит, светлый... А мои почернели оба за месяц, меньше даже. Один сперва, потом другой... Эти-то, я тебе показывал, в Иерусалиме которые купил – паломника крест и наш, православный. А священник там говорил, что можно и некрещеному носить, если в Иерусалиме купил крестик. Выходит, нельзя, здесь надо покреститься, потом уж носить.

– Да может, от пота просто почернели. Кто его знает...

– Ты ж тоже потеешь, не деревянный. Нет, надо, надо...

Водку друзья допили, шашлык доели. Егоров на следующий день уехал в соседнюю деревню на свой калым – ставить крышу на гараж. А Сергей Сыскин следующим утром начал чудить.

– Извините, – сказал он, виновато пожимая плечами, приехавшему к нему из города заключать договор богатому клиенту, – не смогу я вам отопление сделать. Обстоятельства у меня непредвиденные.

– Как же так, Сергей Викторович?! – растерялся богатый клиент. – Мы же договаривались... Я же ждал...

– Очень у меня непредвиденные обстоятельства... Извините... Но вы не переживайте, я вам посоветую хорошего мастера. Сделает как надо...

И отказал. Не взялся. Занялся непонятно чем.

– Ты чё?! – цепко посмотрела на мужа жена Анна Вильгельмовна, показав лицо женщины, у которой только что на родной улице бесцеремонно вытащили любимый кошелек, и она

при этом как бы ещё видит спину убегающего вора. – С Егоровым недоперепили?! А спальня новая... а машина... а жить на что?!

– Ты же тоже в Иерусалиме была... Вот и не спрашивай больше, – коротко объяснил он. Потом от дальнейших объяснений отказался и продолжил гнуть совершенно не свойственную ему ранее линию.

– Надо же! Иерусалим ему виноват! – одновременно растерялась и рассердилась жена.

А сделал Сергей после отказа богатому клиенту именно вот что: ближе к обеду пересёк узкий проулок, отделяющий его дом от избёнки одинокой старушки Лазаревой, отворил хилую калитку и постучал в дверь. В ответ за дверью долго сохранялась тишина, потом по полу прошаркала мягкая обувь, звякнул снятый с петли крючок, и на Сыскина из чуть открывшегося проёма вопросительно глянули подслеповатые старушечьи глаза.

– Открой пошире-то, баб Вер. Здравствуй! – глянул навстречу Сергей. – Иль боишься чего?

– Чего мне бояться? – открыла шире дверь Вера Даниловна. – Не ждала никого, вот и думала: кто бы это ко мне мог? Теперь вижу.

– В дом-топустишь? Разговор у меня к тебе не короткий.

– Пушу, чё же... Пойдём.

В единственной комнате, с окнами, когда-то румянившимися чистыми стёклами от каждой зари, а теперь потускневшими, уселись за круглый стол. Старый стол под локтями Сыскина издал такой протяжный скрип, что локти тут же были сняты.

– Баб Вер, а я к тебе с чудом.

– С чудом?! – не поняла, о чём речь, старушка Лазарева, не увидев ничего в руках гостя, и потому уточнила: – Где ж оно, твоё чудо?

– Вот тут и тут, – Сергей приложил ладонь сначала ко лбу, потом к сердцу.

– Уж больно мудрёно объясняешь. Проще-то можно?

– Ты город Иерусалим знаешь?

– А как же, как же его не знать? Ты из меня бестолковую-то не делай, мы в Бога-то веруем. Знаю, столица это Божья. И слыхала, ты с Анной своей нынче в нём был. Мне-то не судьба в нём побывать, а я бы побывала. Мало, видать, кто из наших людей в Иерусалиме бывает.

– Сейчас уже много. Паломники... едут чудо посмотреть.

– А-а. Ну, нам-то отсель не видать ни паломников, ни чуда.

– Так вот, баб Вер, я и хочу, чтобы у нас здесь хоть немного Иерусалима было. Чуда своего, понимаешь...

– Эх, хватил. А чё ж ты сможешь? Ты же – человек простой, а там – Бог.

– Смогу, баб Вер, смогу, если ты поможешь. Мне для этого угол твоего участка нужен, что к проулку. У меня-то, понимаешь, к проулку дом стоит, и с другой стороны – всякой всячины. А в сам проулок чудо не засунешь.

– Да чего ж ты сделать-то такое хочешь? Не пойму я. Чудо, чудо... объясни толком. Чудо-юдо...

– Часовню хочу поставить, баб Вер.

– Ох-ох, вон чего... Замахнулся ты, даже не представить, – покачала головой старушка. – Так поставь в центре где-нибудь, всем видней будет. Оно лучше, в центре-то...

– Не дотянется до центра чудодейство моё.

– Ну тебя! Опять загадками говоришь. Ладно, мужик ты, знаю, дельный, не болтаешь попусту, – ничего не поняв про чудо, но угадав в затее соседа что-то совершенно для них небывалое и очень хорошее, подошла к согласию баба Вера. – Ток это тебе не тяп-ляп – чё хочу, то ворочу. Тут и батюшки благословение надобно, и место освятили чтоб...

– Да потом, баб Вер, привезём попа, если надо. Мне щас поторопиться бы, до холодов сделать кой-чего. А потом-то – конечно, освятим это дело. Ну, позволишь?

– Ладно, перечить не буду тебе. Мне – не помеха, а у тебя, может, получится... Только, смотри, весной за благословением поезжай.

– Она пять на пять получится. И забор со стороны проулка весной уберу.

– Ох ты, размахнулся. Ну, согласилась уже, делай, делай, Бог тебе в помощь.

– Пойду тогда, начну, – представляя теперь всю последовательность действий, поднялся Сергей, – поторапливаться надо. Фундамент хорошо бы в этом году до холодов залить. Да и пол тоже... чтоб весной уже продолжить. А я ведь думал, баб Вер, ты пошлешь меня куда подальше со всем моим чудом.

– Чего ж от чуда отказываться? Пушай будет. До Иерусалима мне уже не доехать, а тут ты своё, под боком, смастерить обещаешь. Поглядим, чего получится.

– Ты пока не рассказывай никому ничего, раньше времени-то.

– Не скажу.

В тот же день за забором начались работы.

– Ты чё, к Даниловне нанялся? – удивлялись происходящему заглянувшие туда прохожие. – А чё делаешь? У неё, поди, и денег-то нету. Чё ты тут заработаешь?

– А я за еду, – добродушно улыбался Сыскин. – Она говорит мне: «Кушай, Сергуня, мою горошницу. А за это в работниках у меня послужишь». Я и согласился.

– Ну-ну, – с недоверчивой ухмылкой удалялись прохожие.

Через пять дней в пустом углу на участке появилась траншея с опалубкой и арматурой. Подъехавший миксер, вытянув рукав, заполнил её бетоном.

– Ты чё, правда, что ли, к Даниловне нанялся? Дом ей новый строишь? Ей уже о душе надо думать, а она... – не унимались односельчане.

– В таком доме о душе точно думать лучше, – загадочно отвечал Сергей.

– Ну да, ну да, – понимающе кивали любопытствующие, но сами, конечно, ничего не понимали. А если понимали, то каждый прикидывал что-нибудь на свой лад: «Нашёл у кого калымить» или «Магазин строит. Землю у бабки Лазаревой прикупил и строит. Наверняка».

Разные расползлись по деревне понимания. Только жена Сыскина, Анна Вильгельмовна, совсем ничего не понимала. Реально, мозг её уже осаждала фантастическая убеждённость: «Мужа похитили, а ей подсунули двойника». Тайком, сонного осмотрела его с головы до ног – всё на месте, никаких перемен. «Да что же в башке-то твоей такие перемены?!»

Когда от заработков выгодных отказываться стал, удивилась досадливо, но уверяла себя: «Скоро пройдёт. Надоело пахать, от усталости всё. С Егоровым перепил – заскок». Но душевно-умственное расстройство у мужа затянулось, и Анна Вильгельмовна перешла в режим недовольного ожидания – обиделась, отвернулась, замолчала и перестала готовить. Однако это не помогло. Ещё больше нахмурилась и продолжила молчать.

Но когда Сергей развёл на соседском участке стройку, а дома разломал пол в котельной и выкопал яму в свой рост, тут уж она встала на дыбы в защиту собственного хозяйства:

– Иди-ка ты, мил друг, знаешь куда! Будет он мне ещё дом ломать! Ты чё тут натворил?! Шас же верни всё в прежний вид и давай, проваливай вон, к бабке Лазаревой, раз тебе там теперь интересно строить.

– Потерпи, Ань, не ругайся, – попытался успокоить жену Сергей, – завтра всё восстановлю. Не заметишь даже.

– Опомнись уже, – чуть не заплакала Анна. – Об тебе уже люди чёрти чё говорят! Поди, послушай!

– А ты не слушай никого. Ты мне поверь, что всё хорошо будет, – убеждал жену Сыскин с таким видом, будто клялся в верности на всю жизнь. – Мне это очень надо.

– Чего надо?! Дураком выглядеть?! Да ну тебя..., – ушла, махнув рукой.

Сергей выкопал такую же яму в центре облитого фундаментом участка у Лазаревой и пробил своими особыми инструментами на глубине двух метров под проулком дыру в земле, от ямы к яме.

– Ой, мороз, мороз, – запел вдруг, просовывая в эту дыру две гибких трубы, – не морозь меня... Вот пустят нам газ в деревню в следующем году, а у меня уже готово всё.

Провозился ещё пару дней на участке Веры Даниловны с какими-то трубами. Потом засыпал ямы песком, пролил водой, проармировал и забетонировал. Пол был готов. На том осенние чудачества Сыскина закончились. Вернулся со своего калыма Егоров. Пришёл к другу.

– Ты, гляжу, правда, с часовней-то. Ага?

– Ага.

– Ты даёшь! Быстро как ты! Сколько сделал уже! Подождал бы меня, вместе бы...

– Да некогда было ждать.

– Чё, Серёг, посидим? Я пузырёк прикупил.

– Ой, Вовка, чё-т прям воротит меня от этого дела, не полезет. В другой раз. Лучше давай с чаем посидим.

Они расположились с чаем на веранде.

– Ты не болтай пока никому. Щас вот-вот уже зима подойдёт, а весной уж само всё откроется, как строить начну. И это, ты к тётке Любе своей съезди. Она в церкви там знает, наверно, батюшку. Оказывается, благословение на часовню надо и освятить всё.

– А-а, ну, съезжу, не вопрос.

Зима подошла. Замела новый фундамент, заморозила пронырливое людское любопытство – на какое-то время всем стало всё равно, что там строит Сыскин у старушки Лазаревой. Забылось до поры.

Сергей положил на пол в своей котельной новую плитку. Съездил на несколько небольших зимних калымов – в семейном бюджете добавилось денег. «Выздоровливает, – с радостью смотрела на это Анна Вильгельмовна, – наладится всё». А Сергей сдерживал назойливое нетерпение: «Скорей бы весна. Снег сойдёт, подсохнет, и...». Его несло.

Весна выдалась ранней. Солнце включилось на полную сразу, без раскачки. Настоявшимся в загустевшей листве теплом середина мая походила на середину лета. Именно в эти дни Сыскин убрал забор на углу участка Лазаревой, и оттаявшее после зимнего безразличия любопытство местных жителей снова уставилось на фундамент: «Ага! А чё дальше?»

А дальше из города пришли два «Камаза», загруженные газобетонными блоками. Сергей встретил их и показал, куда эти блоки сгрузить. Сразу собрался народ, как будто здесь пообещали раздать материальную помощь.

– А чё это тут, а?

Объяснение носило исключительный характер, ибо появилась Анна Вильгельмовна.

– Ты опять за своё?! – посмотрела на мужа уничтожающим взглядом, как капитан на рулевого, который только что прочно посадил на мель его корабль. – Мало начудил по осени?! Иерусалим решил тут построить?! А деньги на него из семьи тащить – ты меня спросил?!

– Ань, ты чё при всех-то? Пойдём домой, поговорим.

– Да говорили уж дома-то! Не действует, видать, на тебя. Может, люди тебе лучше объяснят, чё ты творишь!

Но, к дальнейшему расстройству Анны Вильгельмовны, мнение людей не показало тут же, что её Сыскин однозначно потерял нормальный ум. Одним из случайных прохожих оказался Александр Игонин.

– Привет, Серёг! Объясни, если не секрет, чё у тебя тут такое? А то разговоры всякие разные, а понять – ничё не поймёшь.

– Привет, Сань! Да нет секрета никакого. До времени просто болтать не хотел. Часовню я задумал здесь поставить. Ну, а потом покреститься в ней. Вот и всё.

– Ох ты... Слушай, так и я не крещёный. Сто раз собирался, да всё никак. А теперь... Мимо такого не пройти. Может, и я присоединюсь? Ты не против?

– Чё ж бы я против был? Присоединяйся, если есть в душе такое желание.

– Я же и говорю, очень даже есть. Вчера, конечно, и не думал, чтобы вот так, а ты сказал сейчас про часовню, и... Короче, я с тобой.

– Если так, вставай рядом.

– Серёг, а чё тут-то? – донеслось из толпы. – В центре-то лучше бы...

– Ну, так вот... приснилось мне так.

– А-а, понятно.

Откликнулась и встала рядом большая часть деревни – свой храм, своя часовенка на их земле. Даже заядлые атеисты, всегда считавшие бога чепухой, на этот раз почему-то почти промолчали.

Собрали люди на цемент, на облицовочный кирпич...

И старушке Лазаревой не пришлось напоминать Сергею о церковном благословении. Егоров Володька сдержал слово – через тётку свою Любу договорился со священником.

– Ты б видел, как в епархии там поудивлялись все затее твоей. Так их от удовольствия распёрло, что сразу собрались святить ехать. Обещались, приедут.

Батюшка приехал. С бородкой, роста среднего, лет сорока.

– Мужик как мужик, – придиричиво рассматривал приехавшего Сыскин, – только в рясе. И машина – не лучше моего «Ниссана», не ахти.

– И с жиру не лопается, нормальный, – добавил Егоров.

– Может, он какой-нибудь совсем младший у них?

– Не знаю я.

– Здравствуйте! – улыбчиво и с поклоном поздоровался с людьми священник.

– Здравствуйте, батюшка! – многогласно ответила растущая толпа.

– Мир вам. А есть ли здесь человек, по чьему желанию часовенка у вас строиться началась?

– Так вот он, – подхватил под локоть Сергея Егоров, – вот он, Серёга наш Сыскин...

– Да ладно, чё ты, – остановил тот плечом друга, – хорош выпячиваться.

– А чё скрываться-то? Как есть...

– Позвольте поблагодарить вас, – подошёл и пожал руку Сыскину батюшка. – Редкое движение души. Вы, наверное, богаты и пожертвовали деньги на богоугодное строительство?

– Да я... – замялся Сергей.

– Он богатый?! – выступила вперёд Анна Вильгельмовна. – Это он богатый?! Да всё своим горбом, своими руками всё...

– Ладно тебе, Ань...

– Что же, тем ценнее деяние ваше. Примите благодарность епархии за труды во имя Господа нашего. А ещё хотелось узнать, какому святому посвящаете вы часовню?

– Так... я и не думал как-то, – растерянно пожал плечами Сыскин. – Увидел чудо в Иерусалиме, вот и у нас захотел, чтобы чудо... маленькое... наше...

– Может быть, тогда с именем Николая Святителя, Николая Чудотворца будет расти часовня ваша?

– Ну, пусть так... Пусть Николая Чудотворца.

Поблагодарив Сергея, священник начал каждение: понёс вокруг фундамента дымящееся кадило, громко проговаривая: «Христе Боже наш, в воню благоухания духовного, еже прием в пренебесный мысленный Твой жертвенник, возниспосли нам благодать пресвятаго Твоего Духа». Благовонный дым развеивался над бетоном, над торжественно притихшей толпой.

– Да вознесутся наши молитвы к престолу Божию, – обойдя и окурив фундамент и людей, убрал батюшка кадило в машину, а достал высокую, округлую серебряную чашу и разлохма-

ченную, с длинной рукоятью кисть – кропило. – Да познаем мы присутствие благодати Господней. По воле Его сегодня пустит корни на этой земной тверди и проломит тьму, возносясь к свету, новый храм Николая Святителя. Снизойшла на то воля Божия, и познал её односельчанин ваш, Сергей Сыскин. Господь принимает наши благие начинания, жертвования и благословляет нас и наши семьи. Церковь всегда молится за строителей и жертвователей храмов. Стройте благословенно, ибо сказано: «Когда мы в покое – демоны веселятся, а когда в трудах – Ангелы радуются». И всё с Божией помощью и в единых трудах ваших исполнится. Аминь.

Обильно и далеко полетела с кропила на фундамент и людей святая вода.

– А побрызгайте на меня, – подставляли смеющиеся лица ребятишки.

И священник брызгал, кропил долго, стараясь дотянуться до каждого желающего. И праздничным шумом занялось всё собрание у будущей часовни.

Уехал батюшка, а праздничность в душах осталась – будто всюду в деревне заметно светлее стало. Так жилистая молния, что в полнеба, видна каждому, и не увидит её только невидящий.

Большая это сила, когда всем миром. Подхватила стройка. Двое-трое – не один, и каждый со своим умением. А кто без умения, тот или большой бак под воду со своего огорода к освящённому фундаменту переправлял. Или хоть какую-никакую верёвку с крючком, на которой по осени вёдра с картошкой в погреб спускают. А тут наоборот – снизу вверх, раствор на стены тянуть. Каждый участвовал. Даже категорический протест Анны Вильгельмовны совсем потерял силу, сменился солидарностью, а борщи получались наваристее, чем прежде. И порции мяса в мужниной тарелке увеличились вдвое.

– Давай, Серёж, добавки, ещё тарелочку. Силы тебе нужны, похудел последнее время, гляди, с лица сошёл.

– Вот и хорошо, давно хотел килограмм двадцать сбросить. Заодно всё вышло, стройка вместо диеты.

– Ещё ж и котёл газовый покупать. Газ-то уж на нашей улице к домам подводят. Пустят осенью.

– Всё успеем, не переживай. А на стройке я не устаю, в радость работа такая. Даже петь охота. Налей, налей ещё тарелку, борщ у тебя – песня с припевом.

Анна Вильгельмовна зарделась и, довольная, налила, что называется, с горкой.

Никаким приказом не поднять людей строить так вольно, с сердцем, легко, как строили свою часовенку деревенские жители. Красным кирпичом облицованная, ладная, желанная, к концу сентября поднялась она до вершинки. От стен убрали леса и со дня на день ждали из города маковку с крестом.

И день настал – прозрачный, безветренный, с ярко-синим небом. Купол приехал на маленьком грузовичке. И сам он выглядел совсем небольшим. Давным-давно, однако, не случилось в деревне ничего большего, чем этот приезд.

– Сияет-то, точно золотой! – чувствовали радость люди и улыбались.

– Металл такой, под золото спецом, – объяснял ответственный за изготовление маковки с крестом Володька Егоров. – Щас наверх подымут, так с высоты натурально всё золотым будет выглядеть.

Приехал и батюшка, тот же, что в мае благословил строительство и освятил фундамент. Привёз в дар небольшую икону Николая Чудотворца:

– Вашей часовне с именем его, примите.

Икону взяла бабушка Лазарева. Священник освятил вершинку, и кран поднял её. Она проплыла полукругом над запрокинутыми лицами, сверкнула на солнце золотым боком и опустилась на конус часовни. Двое рабочих в строительной люльке приняли купол, установили и закрепили.

– Ура! – закричал народ. Ребятишки прыгали, хлопали в ладоши и дурачились, а старушки крестились и кланялись.

– Да поможет нам сей храм в молитвах наших приобщиться к великому единому свету, – кропил святой водой красные стены батюшка. – От сердец ваших – дар искренний, открыты они и доступны благодати... – не торопился, не жалел он времени, долго святил часовню снаружи, долго святил внутри. И всё говорил, говорил, говорил. Из часовни снова вышел к людям. – Да поможет вам храм в единении, как вы трудом единым создали его. Да объединит он вас в главном – служении Богу и отечеству. Здоровья тела и духа вам в вере православной...

– А побрызгайте на меня, – снова, как в прошлый раз, подставляла весёлые лица ребятня, когда священник, закончив обряд, пошёл к машине.

И он кропил, кропил всех и сам радовался не меньше ребяташек.

– Святой отец, – встал вдруг перед ним Сергей Сыскин, – а покрестите меня... прямо вот здесь... прямо шас, а...

– И меня, – встал рядом Александр Игонин.

– Неправильно это будет, – ответил им священник, – так вот, сразу. Подготовиться человек должен: исповедаться, молитвы прочесть...

– Так вот она, моя исповедь, – кивнул на часовню Сергей, – и молитвы мои – в ней же.

– Ага, – поддакнул Александр.

– Да, тоже верно, – улыбнулся батюшка. – Но... так и купели здесь нет. Без купели-то как?

– А это чем не купель? – шагнул Сыскин к большому металлическому баку, в котором во время строительства держали воду. – В нём, если на дно на колени встать, то вода до горла достанет.

– Так пустой он...

– О-о, это мы мигом, вы только скажите. Река у нас тут рядом.

– Холодна уже вода в реке.

– Ничего, нам такая в самый раз. Ну, так как, святой отец?

– Что ж, коли так, то уж и мне было бы неправильно не поддержать вас в стремлении вашем. Давайте готовиться. Мне потом в соседней деревне женщину неподвижную крестить, так с собой у меня всё.

– Вот спасибо! – засуетился Сергей. – Мужики, давай, скопом! Мы шас мигом...

Через пару минут все подходящие вёдра из ближних домов зачерпнули речной воды и понеслись от берега к храму. И ещё раз, и ещё... – вот уже и полон строительный бак.

– Никогда не видел такого, – дивился и радовался батюшка, надевая белые рукава. – Праздник, воистину праздник.

– Всё, святой отец, наполнили, – подошёл запыхавшийся Сергей. – Вы скажите, что ещё нужно?

– Немного надобно: крестики нательные и белые рубахи, вот и всё.

– У меня есть.

– И у меня, – поставил вёдра Александр.

– Попросите родных своих, чтобы принесли их сюда, – приблизился к наполненному речной водой баку священник. – А покажите-ка, люди добрые, где солнце всходит.

– Там... там... – наперебой стали показывать деревенские жители, – за часовней как раз, в той стороне.

– Вот, значит, там и надо зажечь нам три свечи. Есть ли кто желающие держать их?

– Я, я подержу, – поспешила назваться, чтобы не опередили, старушка Лазарева.

Второй подошла взять свечу ещё одна старушка. А третьим вызвался Иван Логин:

– Давайте мне. Я с Саниным протезом, считай, ходить заново начал. Так я для него не только свечку, я для него хошь костёр в руках держать буду.

– Стоять-то долго, устанешь, – крикнули из толпы.

– Ничё, я уж обучился, выстою.

– Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, – начал батюшка, – ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И зажёл три свечи, и кадил купель, и трижды крестил в ней воду.

– Крещается раб Божий Сергей во имя Отца, – голова Сергея погрузилась в воду под ладонью священника в первый раз. – Аминь. И Сына, – погрузилась во второй. – Аминь. И Святаго Духа, – погрузилась в третий. – Аминь.

Следом погрузился в купель Александр. Потом стояли они рядом – в белых рубахах, с крестиками на груди, помазанные елеем.

– Как чисто мне! – подняв руки вверх, пытался вдохнуть, вобрать в себя синее осеннее небо Сергей. – Как чисто мне!

Александр тоже смотрел в небо и дышал им, дышал, дышал...

– А как же ваша часовня в холода обогреваться будет? – перед отъездом спросил батюшка.

– Не сомневайтесь, святой отец, – улыбнулся с прищуром Сергей, – будет тепло в нашей часовенке.

Не по сезону удивительно тёплая погода продержалась ещё неделю, и холод взял своё. Небо в один день выцвело. В резких порывах ветра летели вперемежку ржавые умершие листья и первый снег. Люди поёжились и включили в домах отопление.

– Красота с газом! – радовалась деревня важному новшеству. – Ни угля тебе не надо, ни дров, ни золу выгрывать. Нажал кнопку на котле, повернул ручку – и вся забота. Топится круглые сутки, только посматривай. Так и горячая вода ж ещё вдобавок! Красота!

А в часовне не было ни батарей, ни обогревателя, ни хоть какой-нибудь печурки. Но неведомо откуда идущее тепло согревало её не меньше, чем отопление жилые деревенские дома.

– Серёг, – допытывался удивлённый народ, – ты скажи, как такое может быть? Чё ты такое придумал?

– Да ничё я не придумал, – пожимал плечами и хитро посмеивался Сергей. – Я ж говорю: чудо.

И только Володька Егоров (ну, и Анна Вильгельмовна, конечно) знал про фокус друга с тёплым полом. Но на людях об этом ничего не говорил.

«Здорово Серёга придумал, – думал он. – И пусть оно живёт, наше маленькое чудо. И пусть все так и представляют, что само собой в часовне тепло берётся. Есть теперь где согреться людям и душой, и телом. И хорошо это».

Берег острых камней

Волны, волны, волны... Сутки, месяц, год, год за годом, всю жизнь – волны, волны, волны... Издалека, всевластные, подмяв под свои валы полмира, докатывались они сюда, холодные шеренги в чёрных мундирах. Докатывались и бросались без секунды раздумий на

скалы. Бросались и гибли, ничего не оставляя от себя, кроме пены, которая вскипала и дыбилась, как седой песок, на шее склонившегося к воде каменного чёрта. Выгнув корявый хребет, развернув крутые плечи, гранитный исполин, казалось, пытался обхватить бесконечными ручищами и поднять над землёй всю морскую лохань. Он надменно смотрел на ревущее, набегающее на него войско. Следом за погибшей шла новая шеренга – и новый песок истлевал на шершавой шкуре безразличного ко всему победителя. Безумные волны... На этой сокрушающей их грани они разом теряли могущество и безраздельную власть, а на трон восходил другой властитель – серый камень.

Между скалистым берегом и темнеющей вдаль кромкой леса тянулась на десяток километров вдоль моря каменная пустошь. Здесь занимала она свою часть мира и имела название – Каменный башмак. Неподвижная, немая, безлюдная пустошь имела, под стать имени, ещё и самый скверный характер: каждый камень на её пространстве был очерчен множеством острых граней. Словно точильщик из неведомого параллельного мира, где иные представления о пользе и целесообразности, перепутав свой и наш миры, тысячи лет невидимым приходил сюда с наждачным кругом и старательно затачивал каменные грани. И заточил. На свет явился Каменный башмак – хмурый, враждебный всем берег острых камней. Свободный берег, с богатым морем и таёжными кладовыми – приходи, бери, обживайся. Но примерить на себя башмак желающих не находилось. Зачем маяться и ноги в дикой глухомани сбивать, когда вокруг обжитых удобных мест хватает? Заскочить сюда пожить, а потом добычу домой утащить – другое дело, таких желающих много. А корни в мёртвый камень пытаться пустить – это уж увольте.

В уже далёкое теперь советское время на лесной быстрой речке с каменистым дном, впадающей у края пустоши в море, жил в рубленой избушке лесник. Неприхотливый, с несложившейся личной жизнью, небольшой бородатый мужичок, имел он в своём хозяйстве собаку, двустволку с потёртым прикладом и лодку с мотором. Очень просилась в пару к названию данного места фамилия мужичка – Сапог. Может, сказать для смеха, поэтому и находил он общий язык с Каменным башмаком. Скучно, просто, без поклонов, но соседствовали как-то. Местным охотникам лесник не мешал. Они жили так, как жили в этих далёких местах уже сто лет. В тихие дни Сапог на казённом моторе ходил краем моря в посёлок прикупить провизии и водки. Возвращался, садился в пустой избёнке и заливал горькими стаканами жизненную нескладуху. Напившись, выбирался в сумерках на острые камни и с руганью палил из ружья во все стороны света. Так жизнь его потихоньку шла. А в конце мутных девяностых лесник исчез, бесследно, навсегда, вместе с собакой и ружьём. Ружьё списали, лодку отогнали в посёлок, Сапога забыли. Избушка осталась бесхозной на лесной речке, как тёмный бугор рядом с серыми камнями. Лет десять пустовала.

В родной посёлок Андрей Рубцов вернулся почти инкогнито. Десятилетним мальчишкой уехал отсюда с родителями в сторону Москвы (отец быстро продвигался по партийной линии), и вот, теперь вернулся, уже Андреем Петровичем, пятидесятилетним крупным бородатым мужчиной. Он словно прятался за разросшуюся чёрную бороду. Словно раньше никогда не носил её, а теперь отпустил специально, чтобы спрятать своё прежде безбородое лицо. И осанка Рубцова совсем не шла к разбухшему от вещей рюкзаку за плечами, с которым прибыл он в посёлок. Ему бы в самый раз добротный кожаный директорский портфель в руки подошёл. Но появился Андрей Петрович Рубцов в родных местах именно таким: в надвинутой на глаза серенькой кепке, в потёртой ветровке цвета хаки, в кирзовых сапогах и с большим рюкзаком на спине. На плече висело убранный в чехол ружьё. А за руку Андрей Петрович держал девочку лет пяти-шести. В синем берете, красном пальто и красных резиновых сапожках, жалась она к единственному родному ей человеку в этом совершенно незнакомом и чужом мире.

Совершенно инкогнито вернуться всё же не получилось.

– И вы, значит, к нам на жительство? – принял их в администрации глава посёлка, Алексей Иванович Галкин.

– Да, – коротко ответил Рубцов, прячась за чёрную бороду и серый козырёк кепки.

– А скажите, бывали вы прежде в наших краях? – попытался, напротив, всмотреться в лицо приезжего Галкин.

– Нет, – без охоты чеканил односложные ответы гость.

– И родственники ваши никакие Рубцовы у нас тут не жили никогда?

– Нет.

– Ага, значит, нет. Ну, а чего ж именно к нам? Посоветовал, что ль, кто? – не отставал Галкин.

– Да нет, так, красиво у вас тут.

– Это так, это так, красиво у нас. Ну, а жить-то где будете? С жильём-то туго у нас. Ежели на постой кто пустит...

– Я слышал, избушка лесника у вас давно пустует, – перебил главу и на секунду выглянул из-под серого козырька приезжий.

– Есть такая, есть, – поймал колючий взгляд чёрных глаз Алексей Иванович. – А кто ж вам сказал про неё?

– Сказали.

– Она, конечно, бесхозная, но запущена давно, нежилая. Как там печка? Как окно? Никто ж не смотрел сто лет. И стоит далеко, за каменной пустошью. Зачем вам туда с девочкой? Лучше по посёлку поспрашайте. Тут и море – вот оно, и берег хороший, галька мелкая, песок. А там камни такие, что к морю не подойти...

– И ещё... Мне бы машину у местных купить. Посоветуете кого-нибудь?

– Да вон, Пашка Крикунов «Ниву» продаёт. Вполне нормальная машинёшка, рабочая, и отдаст недорого. Прямо по улице, по правой стороне, зелёная крыша, – махнул на окно Галкин. – Только на камни всё же не лезьте. Острые они, не живёт там никто.

– Спасибо за подсказку, – поднялся со стула и повернулся к выходу Рубцов, – пойдём, внучка.

– А родители-то у внучки где? – спросил вслед Алексей Иванович.

– Далеко, – не оборачиваясь, ответил бородач, – одни мы.

И они вышли.

– Э-э, нет, дорогой, так не бывает, – уставился на закрывшуюся за гостями дверь глава администрации, – чтобы сразу столько совпадений. И Рубцов ты, и Андрей, и отца твоего, как у нашего Андрейки, тоже Петром звали... И к нам именно заявился со всеми этими совпадениями... – Галкин перевёл взгляд на окно, в котором видны были уходящие по улице мужчина и девочка. – Не бывает так. Андрейка ты и есть, одноклассник мой, хошь и бородатый теперь. А что лицо своё за бородой прячешь, так то уж другой вопрос. Видать, втайне тебе побыть надобно.

А через пару часов в администрацию пришёл Пашка Крикунов.

– Иваныч, здорова! – заулыбался с порога.

– Здоров, здоров, да здоровей видали.

– Ну, чё, спасибо тебе пришёл сказать за покупателя, – протянул руку Пашка, – держи краба. Ты где такого откопал?

– Какого такого?

– Так он не торговался даже. Сколь попросил, столь и дал. Я ему с такой радости и запчасти, какие были, все загрузил, и бензина бак залил.

– Ну, значит, с такой радости ещё и пузырь с тебя. Вишь, какого клиента хорошего тебе подогнал.

– Да не вопрос, пошли, раздавим, время как раз – обед. А он откуда взялся-то, клиент этот? Знакомый твой, что ль?

– Да так, не пойму пока. Может, и знакомый.

– Во, блин, странности. Ну, не хошь, не говори, – Пашка присел на стул. – Но колючий он, мужик этот, прям заметно. Озирается всё, как словно опасается кого. Я его так просто спрашиваю, чё за винтарь у тебя, расчехли, покажь. А он, ты прикинь, рыкнул на меня: «Не твоё дело». Ты понял? Вот чё он, а?

– Да хрен его знает, чё он?! – вспыхнул Галкин. – Пошли, давай, пузырь раздавим!

– Ну, так я и говорю, пошли.

Они пошли к Крикунову, расположились там и за житейскими разговорами налегли на самогон.

«Всё им расскажи да покажи, – мысленно ворчал Рубцов, загружая в «Ниву» купленные в поселковом магазине продукты, кастрюли, топор, лопату и другие необходимые для предстоящей жизни в избушке отшельника вещи. – Своими делами меньше интересуются, чем чужими. А Лёшка-то, одноклассничек, меня, кажется, узнал. Это плохо...»

– Деда, мы сейчас в наш домик поедём? – спросила внучка. Она стояла рядом с машиной.

– Да, Анечка, сейчас в наш домик поедём. Вот сложу всё в машину, и сразу поедём. Ты забирайся на сиденье. Давай подсажу.

Собрались. Выехали в час. От посёлка до избушки лесной дорогой километров двадцать. Близо, казалось бы, и день впереди длинный. Но середина мая в этих краях – ещё далеко не лето, ночью в воздух возвращается минус. «Как там печка? Как окно?» – помнил слова Галкина Андрей Петрович и гнал машину к каменной пустоши. Думалось: «Сейчас пока всё обсмотрю, пока исправить может что придётся, пока мало-мальски порядок наведу, уж сумерки подступят. Успеть бы ещё до ночи-то».

Дорога вела от посёлка до Каменного башмака, как раз до заброшенной избушки. Потом поворачивала и вдоль речки уходила в таёжную глушь. Повезло, время не разрушило бревенчатую постройку, даже нижние звенья у неё не подгнили. И листы жести на крыше, покрашенные когда-то суриком, хоть и покрылись сплошь ржавчиной, но ни в одном месте не продырявились. Стёкла в двойных рамах тоже уцелели. Это понятно: ребятишки без взрослых тут оказаться не могли, а взрослым без причины стёкла бить... Зачем? Да никто здесь давно и не жил подолгу. По всему видно. Так, мимоходом если.

– Вот, Аня, это и есть тот домик, где мы будем жить, – вынул из петли державшую скобу проволочку Рубцов и открыл скрипнувшую дверь. – Давай посмотрим его.

– В нём темно и страшно, – остановилась на пороге девочка.

– Не бойся, Анечка. Мы с тобой сейчас зажжём лампу, наведём порядок, и все страхи уйдут вместе с темнотой и пылью. А вечером мы затопим печь. Побудь пока на улке, рядом с дверью тут.

Андрей Петрович вынес из избушки какой-то облезлый, но ещё крепкий стул, смахнул с сиденья пыль и усадил на него внучку. И взялся наводить порядок: выбрасывал прочь старое залежалое тряпье, бегал с ведром к речке за чистой водой, прометал, мыл, чистил, расставлял... И за пару часов управился. Избушка изнутри просветлела, задышала, словно реанимация вернула её к жизни.

– Ну вот, Анечка, – вышел за внучкой Рубцов, – теперь заходи, теперь чисто тут. Лампу мы с тобой вместе засветим.

– А кто здесь раньше жил?

– Совсем раньше, очень давно, жил лесник, а потом никто не жил. Много лет никто не жил. Теперь вот мы пришли жить. Неплохо же здесь, правда?

– А мама с папой приедут сюда, когда вернутся из другой страны?

– Мама с папой... – сбился Андрей Петрович, – мама с папой... они обязательно когда-нибудь вернутся. Только я ещё не знаю, когда. А пока мы поживём здесь с тобой вдвоём.

– Но тут ни одной моей подружки нет. Тут никого нет. Одни камни. С кем мне тут дружить и играть?

– Ну, игры мы с тобой придумаем, – подвёл Рубцов Аню к сбитому из досок столу. А сейчас давай мы фитилёк в лампе зажжём. Видишь, сумеречно уже, а нам ещё печку надо затопить и поужинать. Ты же голодная у меня. Голодная?

– Да.

– Ну, так вот.

На столе засветилась лампа. Оказавшиеся у металлической печурки толстые сухие ветки отправились в топку.

– На сегодня их хватит, а завтра видно будет, – Андрей Петрович прикрыл поддувало, пытаясь сдержать быстро поднявшийся огонь. Но бесполезно, печь загудела, уничтожая дрова. – Ладно, пусть гудит, успеет нагреть. Чуть позже трубу прикрою, до утра избушка не выстынет. Стены тёплые, зимние.

Вскипятили воду, сели ужинать: хлеб, консервы, «сгущёнка» прямо из банки, печенье. От нагретой избушки, от горячего чая разомлели, лицо у Ани покраснелось. Постоянный недосып нескольких последних, проведённых в дороге дней напустил липкую сонливость. Андрей Петрович расстелил на голом лежаке новый матрац.

– Всё, Анечка, давай-ка ко сну, глазки у тебя уже закрываются. Вот простынка чистая и наволочка на подушку. Плед твой любимый.

Внучка уснула сразу, едва легла. Рубцов посмотрел в потемневшее оконце, походил по избе. «Завтра надо в посёлке строганого тёса досок двадцать купить. Второй лежак сделаю, полки, что-нибудь поправлю, пригодятся». Он взял ружьё, которое так хотел посмотреть Пашка Крикунов, снял чехол – и в руках оказалась винтовка. Такая могла бы послужить снайперу армейского спецназа или матёрому киллеру. Отдельно в футляре хранился оптический прицел. «Хоть бы не пригодилось всё это. Хоть бы не нашли нас здесь». Андрей Петрович бросил на пол куртку, пристроил вместо подушки наполовину опустевший рюкзак и лёг, положив рядом с собой винтовку. С одной стороны от него спала на лежаке внучка, с другой – вытянулась вдоль тела тонкая, стройная, холодная, чёрнёная охраняющая смерть. «Надо бы на окно какую-нибудь решётку придумать», – прошла в сознании последняя мысль, и он уснул.

Как хорошо видна под лунным светом каменная пустошь. Каждый камень отчётливо прорисован. Они лежат плотно друг к другу. Так лежат моржи на морском побережье. Да-да, моржи, большие, вытянутые, с острыми, зазубренными бивнями. Бескрайнее лежбище каменных моржей. И они никого не пропустят, никто не подберётся к избушке. Они – его друзья, они – свои. А вдалеке над каменными тушами поднялась вдруг громадная медвежья голова – чёрная, мохнатая, с маленькими глазками и открытой красной клыкастой пастью башка. Она осмотрелась и сразу увидела Андрея Петровича. Казалось, она для того только и появилась, чтобы увидеть его. Красная пасть раскрылась ещё больше и загромыкала раскатистым хохотом, радуясь встрече. «Он – мой друг, этот медведь. Он свой, как эти каменные моржи. И он ещё придёт, он снова придёт...»

Рубцов проснулся. Над Каменным башмаком висела гроза. Каменные моржи купались в потоках льющей с неба воды, и гром крутыми кулаками бил в металлическую крышу избушки. «Медведь смеётся», – вспомнился сон.

Скоро гроза ушла дальше, в тайгу. На краю неба тучи расступились, и даже выглянуло солнце. И каменные моржи подставили серые бока под оранжевые лучи. Аня всё спала. Андрей Петрович убрал винтовку в чехол и присел на край лежака.

– Анечка, пора просыпаться, светло уже совсем. Гроза была, а мы и не слышали. Как спалось? Что снилось?

– Мне снилось, что мама и папа приехали сюда к нам, а острые камни их не пропускают. Они не знают, где тропинка, и из-за этого стоят далеко и не могут к избушке подойти. И я испугалась, что они так и уедут обратно без меня.

– Это только во сне всё, Анюта. А когда они по-настоящему приедут, то подъедут по дороге и подойдут к избушке по тропинке, как мы с тобой.

– А когда они по-настоящему приедут?

– Потом, Аня, потом приедут, – отвёл глаза Андрей Петрович. – Ну, поднимайся, дел у нас с тобой сегодня очень много. Ты у меня теперь первая помощница. И единственная, вдвоём нам с тобой хозяйствовать предстоит. В посёлок надо съездить – досок купить, ещё кое-что. Потом дровами надо запастись, хотя бы на пару дней. Словом, пора вставать. Сейчас позавтракаем и поедем.

На завтрак пили сок. Снова ели консервы, печенье. Ничего, подзаправились. Андрей Петрович снял размеры с окна, прихватил винтовку, и «Нива» покатила в посёлок.

– Ишь, бирюк нелюдимый, – сразу заметил поселковый народ бородатого новосёла с маленькой девочкой, – не взглянет, не кивнёт. И забрался-то куда! Аж на каменную пустошь! Да с ребёнком! Нет, не просто так. Видать, прячется от кого, – пошла молва.

А Рубцов для полного своего спокойствия и вовсе бы стал невидимым. Но никуда не денешься, общаться приходилось.

– Почём обрезной тёс? – спросил у мужиков на лесопилке Андрей Петрович.

– Деньгами, или натурпродукт имеется? – невозмутимо уточнили мужики.

– А вам как лучше?

– Да не худо бы остограммитесь народонаселению, – сказал пильщик с опухшим лицом.

Два других пильщика, тоже с опухшими лицами, согласно поддакнули.

– И сколько же вам надобно за двадцать двухметровых досок?

– Возьми у Трусихи три флакона – в самый раз будет. А мы тебе прям щас двадцать досок организуем.

– И где её искать, вашу Трусиху?

– Трусиху-то... А вон, от леса первая улица, дом с красным петухом на коньке. Не спутаешь.

– Так может, в магазине проще взять, нормальную?

– Не-не, у ней самая нормальная, градусов на десять нормальной магазинной.

– А продаст незнакомому-то?

– Продаст, она у нас под прикрытием.

– Ну, договорились, я поехал.

– Давай, давай, – подхватились воодушевлённые внезапно возникшей близкой пьянкой пильщики, – привози. Мы тебе за час и напилем, и на рубанке пропустим. Ты привози.

– Только сначала работа, потом расчёт.

– Само собой, мы уже пилим...

Мужики справились. Через час сосновые струганые доски погрузили на багажник «Нивы».

– А ты чё в Каменный башмак забрался? – приняв первую дозу, спросил вдруг самый разговорчивый пильщик. – Вот приедет к тебе кто-нибудь, так и не найдёт. Прячешься что ль от кого?

Рубцов в это время заканчивал привязывать к багажнику доски и от вопроса так сильно вздрогнул, будто кто-то толкнул его в спину. Лицо под чёрной бородой дёрнулось. Он молча забрался в машину и надавил на газ.

– Смотри, как нервничает, – проводили взглядом «Ниву» мужики. – Значит, правда прячется. Точно, точно, и девчонку прячет.

«Да что же им всем надо?! – резал на скорости колёсами частые лужи Рубцов. – Что они носы свои суют?! Как будто вынюхивают!» У мастерских, у слесарки, остановился.

– Привет, мужики, – вошёл в небольшое прокуренное помещение.

– Привет, – ответил один из слесарей, а второй молча кивнул.

– У вас сварка есть? Мне бы решётку на окно сварить, простую, из прутьев, по размеру.

– Это можно, сварка есть. Только прут у нас очень толстый, некрасиво получится.

– Это ничего, это даже лучше, что толстый. А за работу у меня вот... – Рубцов поставил на столик две бутылки самогона. Он купил у Трусихи не три, а пять бутылок.

Ещё через час на багажник поверх досок легла тяжёлая, прочная решётка.

– Никак, от медведя хочешь охраниться? – спросил напоследок помогший затянуть на поклаже верёвку слесарь.

– Может, и от медведя, – буркнул Андрей Петрович и снова надавил на газ.

«От людей бы охраниться, – думал он, уезжая от мастерской к продуктовому магазину, – следопыты. Но решётку-то прочную сварили, такая и медведя выдержит». У магазина «Нива» остановилась.

– Пойдём, Анечка, нам с тобой много чего купить надо.

– Деда, можно, я на улке подожду?

– А чего ж так? Пойдём, конфет себе выберешь.

– Ты сам купи, а я на улке подожду. У меня голова маленько болит.

– Ну вот, этого ещё не хватало.

– Я побуду на улке, и всё пройдёт.

– Ну, ладно, жди меня здесь. Только из машины не выходи, на сиденье седи. Я окна приоткрытыми оставлю. Не выходи из машины.

– Ладно.

Андрей Петрович отправился в магазин, а когда через пятнадцать минут вышел из него с двумя полными пакетами, увидел на улице совсем не то, что ожидал: Аня стояла у распахнутой дверцы «Нивы» и разговаривала с какой-то женщиной. Девочка, на вид ровесница Ани, выглядывала из-за длинной, серой женской юбки. Смуглая, худая, похожая на подтаявшую церковную свечу незнакомка о чём-то расспрашивала Аню.

– И чё, ты только с дедом здесь? – приближаясь, расслышал Рубцов. – А родители твои где?

– Они в другую страну уехали, но скоро приедут. А как тебя зовут? – спросила Аня у девочки.

– Наташа, – ответила та, выступив из-за материнской юбки.

– А меня Аня. А какая у тебя кукла? С длинными волосами или короткими?

– Никакой.

– Почему? Давай, я тебе одну подарю. У меня две.

– Давай...

– Аня, – приблизился к ним Андрей Петрович, – ты почему вышла из машины?

– Меня тётенька позвала.

– А я что тебе говорил?! – повысил он голос, едва сдерживая раздражённый крик.

– Не гневайся, бородач, – приняла на себя его окрик женщина. Иссохшая до худобы болезненной, с серым лицом и горячечными глазами, выдыхала она такой многослойный и мерзкий перегар, что Рубцов отшатнулся. – Меня Марьей Худорожкиной зовут, а тебя как? – попыталась познакомиться женщина, но в ответ услышала молчание. – Внучка у тебя общительная, а ты какой-то нет. Дай пару сотен на опохмелё, не обеднеешь поди. Дом у тебя далеко большой, богатый, а ты сюда в избушку никудышную на отшибе приехал. Это зачем? Прячешься от кого? Или прячешь чего? Может, клад у тебя припрятан?

Женщина то хмурилась, то кривила в улыбке тонкие синеватые губы. И от постоянно меняющегося выражения её лица, от болезненно горящих глаз Андрею Петровичу казалось, что она знает про него всё, что она вообще всё знает, и даже уже знает, что такое смерть. Он молча положил пакеты в машину, посадил на сиденье Аню, сунул в руку женщине две сотни, сел за руль и газанул так, что встречная лужа под колёсами превратилась в миллиарды брызг.

– Вот-вот, бородач, – хрипло засмеялась вслед незнакомка, – верно про тебя говорю, прячешь ты что-то в избушке.

А Рубцов в лихорадочной гонке давил на лесной дороге лужи.

«Бред! Бред! Бред! Что она, ясновидящая?! Да нет конечно, обыкновенная алкашка, наговорила, что в голову взбрело. Но откуда она знает...»

– Аня, что ты им рассказала, этой тёте с девочкой?

– Я сказала, что у нас далеко-далеко отсюда большой дом и что мама с папой уехали в другую страну. А больше я ничего не говорила.

– Я же просил тебя ни с кем не разговаривать, а ты!

– Мы больше никогда ни с кем не будем разговаривать? Только вдвоём будем разговаривать?

Рубцов ничего не ответил. Он гнал и гнал «Ниву» к избушке.

«Подальше от этой пьяной дуры... Надо успокоиться...»

Приехали. Пошли от дороги по тропинке к избушке.

«Надо и тропинку камнями покрыть, всё вокруг жилья надо каменными моржами обложить, чтобы никто не мог подобраться. Все лезут, все вынюхивают, все уже что-то знают. Так и наведут... Нет, обязательно надо на тропинку с пустоши камней натаскать, всё перекрыть. Сами приспособимся как-нибудь...»

Они пообедали.

– Сейчас мы пойдём с тобой, пособираем краем леса дрова. Наберём на два-три дня, чтоб за каждой веткой не бегать. Ты будешь которые потоньше собирать, а я – которые потолще, вот и наберём.

Они отправились. Идти было близко, а ветки собирать оказалось совсем не трудно. Их валялось множество. По краю лес ещё не загушен, в нём светло. И Ане казалось, что она гуляет в городском парке, только здесь он очень большой, и деревья в нём растут другие. Громко перекликались птицы. Река, переполненная тальми водами, пела свою стремительную, шумную, искрящуюся песню. Белка, распушив хвост, метнулась рыжей стрелкой по янтарным чешуйкам на стволе огромной сосны и исчезла в ветвях. Аня первый раз за всю эту поездку с дедом радовалась. Сюда бы ещё маму и папу, сюда бы ещё её подружек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.